

ЛЕВ
НИКУЛИН

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ

ХРОНИКА ОПЕРАЦИИ «ТРЕСТ»

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Лев Вениаминович Никулин
Мертвая зыбь. Хроника
операции «Трест»
Серия «Тайный фронт»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142300

Мертвая зыбь. Хроника операции «Трест»: Вече; Москва; 2023

ISBN 978-5-00222-033-5

Аннотация

Эта остросюжетная история о том, как советские контрразведчики опутали своими сетями все белое подполье в России и в Европе. Операция «Трест» считается классикой спецслужб. Но эта книга – не учебник, а увлекательный шпионский детектив от настоящего мастера жанра. И вы будете с наслаждением следить за приключениями внедренного к врагам агента ГПУ Александра Якушева.

Содержание

Операция «Трест» – легенда на все времена	5
Птенцы Артузова	9
Король шпионов	11
Таинственный Опперпут	13
Лев Никулин	15
Мёртвая зыбь	18
1	19
2	25
3	30
4	37
5	43
6	49
7	70
8	72
9	80
10	88
11	101
12	113
13	123
14	129
15	139
16	154
Конец ознакомительного фрагмента.	157

**Лев Вениаминович
Никулин
Мертвая зыбь. Хроника
операции «Грест»**

© Никулин Л.В., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Операция «Трест» – легенда на все времена

Об этой шпионской истории миллионы советских людей узнали из книги Льва Никулина «Мёртвая зыбь» и замечательного четырехсерийного телевизионного фильма «Операция Трест». Кинематографисты не преувеличивали, это был один из звездных часов советской контрразведки.

Всё началось с того, что видный советский чиновник «из бывших» Александр Якушев, служивший в наркоматах внешней торговли и путей сообщения, в 1921 году побывал в командировке в столице суверенной Эстонии – Таллине. Там он встретился с неким бывшим белым офицером, лелеявшим планы восстановления в России монархии. Этот офицер – Артамонов – рассказал об этой беседе в частном письме, которое удалось перехватить агентам ОГПУ. У Феликса Дзержинского возникла идея: потянуть за эту ниточку – и спутать всю белогвардейскую сеть... Для начала Якушева арестовали – и взяли в плотную обработку. Воздействовали на арестанта и кнутом, и пряником, но старались не травмировать его психику. Сравнительно скоро он согласился возглавить фальшивую монархическую «Организацию центральной России» – МОЦР. Фальшивую, потому что все свои шаги руководители МОЦРа согласовывали с Лубянкой. Через Якушева чекисты почти без риска проникли в антисоветское подполье. Впрочем, он был не единственным «кротом» в МОЦР. С красной контрразведкой сотрудничал и бывший царский генерал Николай Потапов, и известный авантюрист Александр Опперпут-Стауниц-Касаткин, орудовавший финансовыми делами организации. Формальным главой МОЦРа стал видный царский генерал и профессор Андрей Медардович Зайончковский – ещё один тай-

ный агент ГПУ. Но он был не молод, часто болел, выжидал и в активные агенты не годился. А Якушев просто купался в роли политического лидера, а для белых подпольщиков превратился в настоящего поставщика приятных иллюзий в том, что власть вот-вот сама упадет к ним в руки.

Птенцы Артузова

Курировал операцию, получившую кодовое название ТРЕСТ, начальник контрразведывательного отдела ГПУ Артур Артузов – сын швейцарского сыровара, молодой и дерзкий стратег, в недавнем прошлом – революционер-подпольщик. Участвовал в разработке и главный консультант чекистов – Владимир Джунковский, бывший шеф корпуса жандармов, поступивший на службу к большевикам.

Почему Якушев согласился работать на ОГПУ и ни разу не подвел своих новых хозяев в тайной войне? Тут дело не в деньгах и не в карьере. Скорее всего, он разочаровался в белом деле и увидел в большевиках сильную власть. У Артузова получилась уникальная массовая ловушка для белогвардейских агентов. Всё выглядело достоверно: и генералы, и бывшие белые офицеры, и вельможи. И всё было фальшивкой чистой воды.

Якушев разъезжал по всему миру, встречаясь с тузами антисоветского движения и осколками императорской России. Среди них водились опытные контрразведчики – и ему пришлось выдержать череду серьёзных проверок. Оказалось, что у него талант к двойной жизни. Держался Александр Александрович на удивление деловито и вальяжно. Его жертвой стала главная эмигрантская боевая организация – РОВС, Русский общевоинский союз. Люди Врангеля и

Кутепова многих подозревали в предательстве, но не Якушева. В его искреннем монархизме не сомневался никто. Якушев подобрал ключ к душам рьяных сторонников самодержавия. Они любили совещаться, строить прожекты, принимать торжественные позы. Но планы у них были самые грозные.

Наиболее решительным и деятельным руководителем был в этой эмигрантской плеяде генерал Александр Кутепов. Пребывая в Париже, он намеревался привести к престолу великого князя Николая Николаевича. Генерал слыл сторонником террористических методов борьбы. План Кутепова – это серия диверсий, которые пошатнут советскую власть. Убийства политических лидеров, взрывы на предприятиях, мятежи в воинских частях... Через Якушева его планы стали известны Лубянке. Кутепов присылал в Россию своих агентов, они проверяли работу МОЦРа – и, как ни странно, обходились без серьезных претензий. Им казалось, что в России действует серьезная и разветвленная монархическая организация, способная эффективно поддержать интервенцию.

Якушев не боялся спорить с Кутеповым. Несколько раз ему удалось предотвратить теракты. Но главное – он втягивал белых диверсантов в инсценировку. ГПУ показала себя уникальной структурой по этой части.

Король шпионов

Наконец, Якушев вышел на Сиднея Рейли – знаменитого короля шпионов. Между ними завязалась тайная переписка. В первый раз они встретились в Хельсинки.

Рейли прогремел на весь мир ещё на заре советской власти. Он предпринял одну из самых известных попыток свержения большевиков. Его считали асом британской разведки. И мало кто вспоминал, что этот жовиальный господин родился в Одессе. Самуил (а, может быть, Соломон или даже Георгий) Розенблюм – такую фамилию он носил в детстве. Впрочем, он был незаконнорожденным, и не знал родительской ласки. Юношей будущий супершпион перебрался в Южную Америку, там женился на некоей госпоже Рейли и стал работать на британскую разведку. Англичане превратили его в бизнесмена, который вёл свои игры в России, от Владивостока до Варшавы. Действовал лихо, умел рискнуть. Это он поздней осенью 1917 года помог вывезти из России Александра Керенского. А потом попытался свергнуть большевиков... Вспоминая об этой провалившейся операции, Рейли говаривал: «Я был в миллиметре от того, чтобы стать властелином России!». За покушение на Ленина в августе 1918 года его приговорили к смертной казни. Правда, заочно. Англичане ценили своего агента, и вывезли его из России. Но с тех пор для Дзержинского было делом чести довести этот

приговор до ума.

В Хельсинки Рейли предложил Якушеву оригинальный способ финансирования монархистов: воровать и продавать на Западе картины и прочие предметы искусства. Была у него и другая идея: фабриковать «горячую», но правдоподобную информацию о планах Коминтерна и продавать ее британской разведке. Якушеву удалось вытянуть его в Москву – через «окно» на финской границе.

На подмосковной даче, в Малаховке, специально для Рейли устроили уникальный спектакль – серьезное заседание МОЦР. С маститыми генералами, с представительными вельможами, с прожектами и спорами. Добрая половина из них работала на ЧК, остальных использовали вслепую. Опытный Сидней ничего не заподозрил. И только по пути на вокзал его неожиданно арестовали.

Тем временем, при переходе советско-финской границы, на глазах белых и британских агентов был смертельно ранен двойник господина Рейли. В газетах появились сообщения о его гибели – и они произвели сильное впечатление на Сиднея во время допроса. Он понял, что проиграл. И... заговорил. Правда, красноречие не спасло его от расстрела. Дзержинский не считал возможным проявлять милосердие к столь изворотливым врагам.

Таинственный Опперпут

После провала Рейли репутация МОЦРа в Европе поколебалась. У всякой игры есть начало и есть конец. И в начале 1927 года руководство ОГПУ приняло решение завершить операцию «Трест». Трестовцам уже удалось многое. Старый враг советской власти Сидней Рейли закончил свои дни на Лубянке. Сотни представителей белого подполья в СССР оказались на карандаше у чекистов. А белогвардейские эмигрантские организации были окончательно деморализованы и погрязли в доносах и дрызгах. Значит, дело сделано! Но завершилась операция скандально. Один из главных агентов ОГПУ, правая рука Якушева Александр Опперпут бежал в Европу и публично раскрыл подоплеку «Треста». Есть версия, что и это предательство агента было своеобразным спектаклем. Артузов понял, что Трест теряет доверие русского зарубежья – и пошёл на очередной риск. Продав недавних соратников, Опперпут на некоторое время вошёл в доверие к тому же Кутепову. И в то же время не переставал держать связь с Лубянкой. Впрочем, это лишь один из домыслов. По официальной версии, Опперпут погиб от пули чекиста, выполняя задание Кутепова, во время одной из диверсий на территории СССР. Но есть и другая гипотеза его жизни. В конце 1927 года его решили вывести из игры с белыми реваншистами и перевели в Китай. А в годы Вели-

кой Отечественной он, обзаведшись украинской фамилией, создал в Киеве подпольную антифашистскую организацию и пал смертью храбрых. Оба варианта возможны и вполне вероятны. И оба – фантастичны как жизнь разведчика, в которой у каждого эпизода всегда есть, как минимум, две трактовки.

Лев Никулин

Писатель Лев Вениаминович Никулин (1891–1967) повидал мир. Еще до революции учился в Сорбонне, писал стихи, дружил и сотрудничал с Александром Вертинским, знал Фёдора Шаляпина, о котором написал книгу. Участвовал в революционных боях, руководил политпросветчастью Балтийского флота. Был дипломатом, сотрудничал с советской разведкой. Менжинского и Артузова знал коротко.

147287 202
ЛЕВ НИКУЛИН

РАССКАЗЫ

■ ■ ■
БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 19 (934)
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ
МОСКВА — 1936

Он вообще был гением общения – отличный собеседник, остроумный, обаятельный, мастер преферанса и бильярда. Многим памятен каламбур Владимира Маяковского: «А не выпить коньяку ли нам // С Львом Никулиным?» Мало кто достаивался такой репризы от самого Маяковского. Впрочем, Никулин и сам ловко писал пародии и эпиграммы, многие из которых стали крылатыми. Но по-настоящему нашел себя в детективном жанре, открыл богатый пласт тайной войны первого послереволюционного десятилетия. «Мертвая зыбь» – его самая популярная книга. Захватывающий роман, написанный на документальной основе, с небольшой дозой фантазии. Он написал его, когда уже можно было рассказать правду о советской контрразведке 1920-х и ее героях. «Мертвая зыбь» вышла в свет в 1965-м – и книгу сразу признали классикой жанра. Заслуженно. Книгу можно читать и как учебник разведки и контрразведки, и как политический детектив высокого класса, и как историческое повествование, написанное легко и талантливо.

*Арсений Замостьянов, заместитель главного редактора
журнала «Историк»*

Мёртвая зыбь

Бушевали свирепые штормы гражданской войны; казалось, волны захлестывали советский корабль, но Ленин, во главе партии большевиков, вел его твердой рукой, и корабль шел вперед по неизведанному курсу. Наконец штормы стихли, однако стихия не угомонилась. Еще долго мертвая зыбь расшатывала скрепы судна, но по-прежнему Кормчий стоял у руля и вел корабль к мерцающему во мгле алому огню маяка, к заветной пристани, к социализму.

1

Большой театр. Партер, ложи, амфитеатр – все было заполнено.

– Товарищи! Мне предстоит сделать отчет о внешнем и внутреннем положении республики...

Наступила тишина, особенная, поразительная, после того как только что гремели рукоплескания и сквозь то затихающий, то вновь возникающий гром пробивались крики:

– Да здравствует вождь мирового пролетариата!

– Да здравствует Ленин!

Все, кого Советская Россия послала на Девятый съезд Советов, собрались в этот день, 23 декабря 1921 года, в Большом театре, в Москве.

– Первый раз приходится мне давать такой отчет в обстановке, когда прошел целый год и ни одного, по крайней мере крупного, нашествия на нашу советскую власть со стороны русских и иностранных капиталистов не было...

Из оркестра, где сидели и стояли люди, хорошо было слышно и видно Ленина. Он то ходил по самому краю сцены, то останавливался, как бы размышляя вслух. Ленин говорил о неустойчивом, непонятном и несомненном равновесии, «которое состоит в том, что, будучи окружены со всех сторон державами, неизмеримо более могущественными в экономическом и в военном отношениях, чем мы, сплошь

и рядом открыто враждебными к нам до бешенства, тем не менее мы видим, что им не удалось осуществить дело, на которое они три года затрачивали столько средств и сил, – дело непосредственного и немедленного удушения Советской России».

Артузов держал на колене блокнот и быстро записывал. Он знал, что потом, перечитывая эти записи, вновь ощутит атмосферу съезда и вновь как бы услышит то самое важное, что Ленин подчеркивал интонацией или энергическим жестом.

– Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске. Мы все сделаем, что только в наших силах, чтобы это бедствие предупредить. Мы испытали такую тяжесть империалистической войны, какую едва ли испытал на себе какой-нибудь другой народ. Мы испытали после этого тяжесть гражданской войны, которую нам навязали представители господствующих классов, защищавших эмигрантскую Россию – Россию помещиков, Россию капиталистов. Мы знаем, мы слишком хорошо знаем, какие неслыханные бедствия для рабочих и крестьян несет с собой война...

Артузов продолжал записывать, но, видимо, нажал слишком сильно на карандаш, сломал кончик и ахнул от досады. Кто-то молча дал ему перочинный ножик. Он заметил, что слова Ленина записывают многие. Сегодня вечером, еще до выхода газет, еще до завтрашнего утра, Москва узнает, о чем говорил Ленин в своем отчете съезду Советов.

– Мы идем на самые большие уступки и жертвы, но не на всякие, но не на бесконечные, – пусть те, немногие, к счастью, представители военных партий и завоевательных клик Финляндии, Польши и Румынии, которые с этим играют, пусть они это себе хорошенечко заметят... есть предел, дальше которого идти нельзя. Мы не допустим издевательства над мирными договорами, не допустим попыток нарушать нашу мирную работу. Мы не допустим этого ни в коем случае и станем, как один человек, чтобы отстоять свое существование...

Тут все загрохотало: сверху из лож до оркестра и президиума прокатился гром, люди оглушительно хлопали. Только в одной ложе три господина в черных костюмах и белоснежных твердых воротничках не аплодировали. Один из них, сидевший впереди, достал платок и вытер лоб, хотя в зале было прохладно, со стены веяло холодом, театр плохо отапливался – берегли топливо.

Возвращая перочинный ножик владельцу, Артузов сказал, кивнув на ложу:

– Эстонской миссии не очень нравится...

И снова повернулся к сцене. Отчет Совета Народных Комиссаров и Центрального Исполнительного Комитета Советов шел к концу. Он охватил всю жизнь Советской республики: обрушившийся на страну голод, разрушенную войной промышленность, подорванное народное хозяйство, новую экономическую политику.

– Новое общество, которое основано будет на союзе рабочих и крестьян, неминуемо...

И кончил Ленин, как всегда, просто, с неодолимым чувством убеждения и верой в победу.

– Мы эту задачу решим и союз рабочих и крестьян создадим настолько прочным, что никакие силы на земле его не расторгнут.

Долго еще гремели рукоплескания. Артузов спрятал блокнот, исписанный до последнего листка. Человек, одолживший ему перочинный ножик, ждал, когда можно будет двинуться к выходу. Зрительный зал был освещен скудно, и Артузов долго всматривался в его лицо. Затем сказал:

– А ведь мы с вами знакомы... Товарищ Потапов Николай Михайлович?

– Да. Но вас что-то не припомню.

– Мы встречались года три назад у Николая Ильича Подвойского.

– Припоминаю... Но как это вы запомнили даже мое имя и отчество?

– Запомнил. Вы все еще в Главном штабе?

– Да, все там же... А вы, товарищ Артузов? Где вы теперь?

– Это особый разговор. Когда-нибудь расскажу при встрече.

Они уже пробирались в узком проходе к вешалке. Около них Луначарский говорил Чичерину:

– Каков Владимир Ильич! Какая логика! Какой охват эпо-

хи!

Артузов и Потапов добрались до своих шинелей. Артузов до своей, солдатской. Потапов до темно-серой, в прошлом явно генеральской. Он пропустил вперед Чичерина и, улыбаясь, сказал Артузову:

– Не могу привыкнуть к военной форме Георгия Васильевича. Все-таки он очень штатский, а тут – гимнастерка с «разговорами», буденовка...

– Время такое, Николай Михайлович. Даже Наркоминдел в военной форме. Как сказал Владимир Ильич: «Мы не допустим издевательств над мирными договорами». До свиданья, Николай Михайлович. Надеюсь, встретимся?

– И я надеюсь.

Перед фронтоном Большого театра застыла цепь часовых. Всадник в шлеме внимательно разглядывал господ, усаживающихся в автомобиль с трепетавшим на ветру флажком. Когда автомобиль тронулся, глава эстонской миссии Боррес сказал, обращаясь к тому, кто сидел позади:

– Контроль... Контроль... За нарушение законов о труде нэпманам угрожают судом. И в то же время большевикам предлагают у них учиться... Как можно учиться у людей, которым угрожают судом?

– Ленин сказал, что новая экономическая политика всерьез и надолго, – несмело заметил тот, кто сидел позади.

– Интересно, что думают обо всем этом ваши друзья? Господин Кушаков, например?

Боррес обращался к Роману Бирку – атташе миссии по делам печати.

– Я давно их не видел.

– Кого «их»?

– Кушакова и его мадам.

– Напрасно. Надо увидеться. Дипломат обязан иметь связь в обществе.

«Давно ли мы дипломаты», – подумал Бирк, но промолчал.

2

В тот же вечер Артузов в своем кабинете читал записи, сделанные во время заседания съезда. Не все можно было разобрать, некоторые строки он подчеркивал, считая их особенно важными, например то, что Ленин говорил о мирном строительстве:»...Взявшись за наше мирное строительство, мы приложим все силы, чтобы его продолжать непрерывно. В то же время, товарищи, будьте начеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной Армии, как зеницу ока...»

Он задумался: из пяти с половиной миллионов красноармейцев осталось в строю немногим более миллиона. Серьезные разногласия между Троцким и Фрунзе о военной доктрине. Фрунзе стоит на позициях партии в этом вопросе... Артузов вспомнил свою встречу с Потаповым: интересный человек, генерального штаба генерал-лейтенант. Каких людей удалось привлечь на сторону советской власти Николаю Ильичу Подвойскому! Впрочем, кажется, они были знакомы до революции.

Артузов снова взялся за свои записи.

«...в Донбассе... от нашей крупной промышленности остались ничтожные остатки...» – читал он слова Ленина. Да, как ни грустно, но это так. Артузов встал, прошелся по своему кабинету. Он часто подумывал о том, что ему, инже-

неру по образованию, следовало бы работать в промышленности, поднимать производство, – в сущности, это его долг, долг инженера-большевика. А вместо этого...

Он вернулся к своим записям.

Ленин говорил о голоде... В разоренной войной стране голод разразился ужасающим бедствием. АРА, Комитет помощи голодающим... Эти господа решили спекулировать на всенародном несчастье, чтобы дорваться до власти. Артузов чувствовал, что задыхается от негодования, и с силой отворил форточку. Ночь была светлая, из окна здания ЧК он видел как на ладони Лубянскую площадь, башню и арку Владимирских ворот, фонтан на площади и уходившую влево обветшалую стену Китай-города, вдоль которой стояли заключенные будки книготорговцев.

Тихо звенели последние, уходящие в парк трамваи.

Артузов видел засыпающий город, только кое-где, как всегда по вечерам, светились прямоугольники окон. Он представил себе, что происходит за этими окнами: нетопленные комнаты, где чуть светится огонек самодельной лампы: хозяйка делит детям сваренную в жестяной печке-буржуйке пшеничную кашу, режет аккуратно кубики черствого с соломинками хлеба. А есть такие дома, где за глухо задернутыми шторами, после сытного ужина, за рюмкой коньяка «Мартель», господа рассуждают о том, когда кончится советская власть.

И Артузов подумал о дипломатах в ложе Большого театра,

о господах из эстонской миссии. Чичерин сказал о договоре с буржуазной Эстонией, что это генеральная репетиция соглашения с Антантой, первый опыт прорыва блокады, эксперимент мирного сосуществования с буржуазными государствами. Что ж, посмотрим, как эти господа понимают мирное сосуществование... Он подошел к несгораемому шкафу, шкаф открылся со звоном. Артузов достал папку. На ее переплете было написано: «Дело А.А.Якушева».

Послышался стук в дверь. Вошел Косинов, молодой человек, высокий, худощавый, с реденькой, пробивающейся бородкой.

– У меня кончилась махорка.

– Возьми на шкафу.

Косинов достал пакетик с махоркой, оторвал клочок от вынутой из кармана газеты и стал свертывать самокрутку.

– Я слышал не весь доклад Ленина. Откровенно говоря, волновался... Большой театр – лабиринт. Знаю, что дежурные на местах и не подведут, а все-таки...

– Я тоже беспокоен, когда выступает Ленин... К тому же знаю привычку Владимира Ильича. – Артузов усмехнулся. – Дзержинский как-то рассказывал, с год назад это было, идет он к Троицким воротам, и вдруг навстречу – Ленин. Феликс вне себя: «Владимир Ильич, как же вы один, без охраны?» А Ильич ему: «А вы? А вы?..»

– Мне сказали, что в отчете говорилось о Чека?

– Да. Это я записал слово в слово. Хочешь прочитать? – и

Артузов подвинул свой блокнот Косинову. – Разберешь?

Косинов читал молча, а в одном месте сказал с восхищением:

– Замечательно! – И прочел вслух: – «Господа капиталисты, российские и иностранные! Мы знаем, что вам этого учреждения не полюбить! Еще бы! Оно умело ваши интриги и ваши происки отражать, как никто, в обстановке, когда вы нас удушали, когда вы нас окружали нашествиями, когда строили внутренние заговоры и не останавливались ни перед каким преступлением, чтобы сорвать нашу мирную работу. У нас нет другого ответа, кроме ответа учреждения, которое бы знало каждый шаг заговорщика и умело бы быть не уговаривающим, а карающим немедленно». Как хорошо сказано...

– Да, но это нас обязывает... – Артузов выдвинул ящик стола и достал две фотографии. Одна, побольше, – групповой снимок. В центре – белое здание, вокруг на обвивающей, нарисованной ленте надпись: «Императорский Александровский лицей. Выпуск 1907 года». Вокруг ленты – фотографии молодых людей в мундирах лицей, и над ними какие-то господа тоже в мундирах и при орденах.

– Обрати внимание на лица... Какое самодовольство, какая надменность, цвет аристократии, «золотая молодежь». А наверху – воспитатели, директор, преподаватели...

Артузов взял другую фотографию: господин в пенсне, с завитыми усами, с большим лбом, который несколько увели-

чивала лысина. Выразительный, чуть насмешливый взгляд.

– Это и есть Александр Александрович Якушев. Видно, что человек с характером. Представительная внешность, знает себе цену. Он же изображен на снимке среди воспитателей... А среди лицеистов – другое действующее лицо – Юрий Александрович Артамонов. Окончил лицей в тысяча девятьсот седьмом году. Его нам указала Варвара Николаевна Страшкевич, он ей приходится племянником... Кстати, как она?

– Дама с ужимками. Типичная институтка, воспитанница Смольного... Все подтвердила.

– А что Якушев?

– Согласился дать показания. Пишет, – сказал Косинов.

– Важно не то, что он напишет, а то, что утаит... Шел бы ты спать, Виктор... Небось не спишь вторые сутки.

– А ты?

Артузов не ответил. Он задумчиво перелистывал дело Якушева.

3

«Я, Александр Александрович Якушев, потомственный дворянин, сын преподавателя кадетского корпуса, родился 7 августа 1876 года в городе Твери, окончил Императорский Александровский лицей, последняя моя должность – управляющий эксплуатационным департаментом управления водных путей министерства путей сообщения в чине действительного статского советника. После революции, с 1921 года, работал в качестве консультанта по водному хозяйству. В старой армии не служил, в белой тоже. Женат, имею троих детей. Хотя я ни в какую партию не входил, но по убеждению – русский националист...»

Написав последние слова, Якушев положил перо и задумался. В сущности, в эти несколько строк уместилась вся его биография.

Он вспомнил себя мальчиком в лицейской форменной курточке... Дачная купальня, деревянная лесенка, уходившая в золотисто-желтую, пронизанную лучами солнца воду. Там, где падала тень от навеса, вода была коричнево-темной и мутной. Такой была жизнь Якушева, или, вернее, такой она ему казалась теперь: светлая, беззаботная в детстве и юности и темная, мутная в зрелые годы. Саша Якушев – мальчик, томимый какими-то тревожными, неясными предчувствиями... Танечка – институтка, приезжавшая из Москвы на ка-

никулы. И опять купальня, и он, сам Саша, тихо подплывавший, чтобы подсмотреть в щелку купальни свою любовь, Танечку, в голубой прозрачной сорочке, облепившей ее стройную фигурку... Все это было и ушло навсегда. А что было потом? Александр Якушев в лицейском мундире, случайная связь с певицей из «Аквариума», еще связи, от которых ловко отделался перед женитьбой, потом служба, завидная карьера и к сорока годам – «его превосходительство», действительный статский советник. Все это давалось как будто легко, а на самом деле – сколько было низкопоклонства, поисков протекций?.. И вот впереди – открытая дорога! Но все это было накануне революции. Якушева охватила злоба. Революция! Какое право имели отнять у него положение в свете, блестящее будущее, генеральский чин, удобную казенную квартиру, разбить карьеру, которую он создавал десятилетиями, разрушить строй, с которым была связана вся его жизнь?..

Он обмакнул перо в чернила и стал писать быстро, хотя за два месяца тюрьмы еще не привык это делать без пенсне.»... Я считаю монархию единственным строем, который может обеспечить могущество и величие России. Тем самым я являюсь противником советской власти, контрреволюционером. Однако я хотел бы знать, в чем меня теперь обвиняют? Все, что можно мне поставить в вину, относится к прошлому, и об этом прошлом я постараюсь рассказать подробно и вполне откровенно.

В 1919 году, когда северо-западная армия генерала Юденича наступала на Петроград, мы были уверены, что советская власть доживает последние дни. Юденич занял окрестности Петрограда, генерал Миллер наступал на Вологду, поляки занимали Минск, корпус Кутепова занял Курск и Орел. Мы, я говорю о подпольных организациях в Петрограде, имели связь с Национальным центром в Москве и готовили мятеж в Петрограде, так же как наши единомышленники в Москве. Все это теперь имеет историческое значение, поскольку ВЧК удалось ликвидировать и нашу и московскую организации. Мы были уверены в успехе, готовили вооруженное выступление и выработали строгие меры, чтобы обеспечить порядок в столице. Что это значит, надеюсь, понятно.

Мы надеялись справиться с рабочими, не дать им возможности лишиться город воды и света, пытались связаться с теми офицерами, которые были мобилизованы в Красную Армию. Чем это кончилось – известно. Некоторое время я оставался в Петрограде. Когда начались аресты, я переехал в Москву, где меня меньше знали».

Совсем стемнело. Якушев разогнул спину и положил перо. Надо было ждать, когда дадут свет. Он провел рукой по лицу. Каждый раз, когда он это делал, ему чудилось, что лицо не его, обычно гладко выбритое, а кого-то другого, обросшего колючей бородой. Любопытно было бы поглядеть на себя в зеркало. Он прошелся несколько раз из угла в угол и,

когда вспыхнула тускло светившая лампочка, снова продолжал писать.

«На этом, собственно, и кончилась моя активная деятельность. Из Москвы я предполагал пробраться на юг. Это мне не удалось. Мятаж Кронштадтской вольницы меня обнадежил, но ненадолго. Наступило время нэпа, которое я воспринял как крушение принципов большевизма. Я жил, ничего не делая, продавая фарфор и столовое серебро, которое вывез из Петрограда. Именно в это время произошла встреча с одним знакомым генералом, которого я хорошо знал по Петрограду. Он поинтересовался, что я делаю и как существую. Я объяснил ему свое положение.

– А вы, ваше превосходительство?

Он с удивлением посмотрел на меня:

– Я с ноября семнадцатого года работаю. Теперь в штабе Красной Армии. Я думал, вам это известно. Мне кажется странным, что вы, с вашими знаниями, сидите без дела. На что вы надеетесь?

Все устроилось неожиданно для меня. Рано утром ко мне явился некто в кожаной куртке и передал мне приглашение явиться к одному высокопоставленному лицу. Это приглашение имело характер приказа, и я уклонился от него. Тогда спустя неделю за мной пришли уже двое в кожаных куртках, посадили в автомобиль и доставили к этому лицу. Я был встречен милостиво, мне сказали, что известны мои заслуги, знания и организаторские способности, которые не мог-

ли получить должное развитие при царе.

Я сказал:

– Не знаю, откуда вам это известно.

– От многих видных специалистов, которые работают у нас.

Затем мне было сказано, что мои убеждения «русского националиста» тоже хорошо известны и потому для меня не должны быть безразличны судьбы русской промышленности и хозяйства. Кончился этот разговор тем, что я согласился работать с большевиками. Я занял хорошее положение, как известно, был вхож в кабинеты видных деятелей ВСНХ, меня знали и знают Красин, Керженцев. Внешне все обстояло у меня благополучно, я составлял докладные записки и планы по водному хозяйству, в осуществление которых не верил.

Я был командирован в Швецию в начале ноября, а 22 ноября по возвращении в Москву был арестован. Убеждений моих я не менял и являюсь по-прежнему русским националистом и монархистом. Был им и после Февральской революции, когда на предложение князя Львова занять пост товарища министра путей сообщения ответил, что, как верноподданный его величества, Временного правительства не признаю.

Вы спрашивали меня о моем отношении к советской власти сегодня. Я не закрываю глаза на усилия большевиков восстановить то, что разрушено, но настоящий порядок на-

ведет державный хозяин земли русской. На этом я кончаю мои показания. Никаких имен я не называл и не назову, о своей контрреволюционной деятельности я рассказал все, ничего не утаив».

Он перечитал то, что написал, и четко расписался: «А. Якушев»

Роман Густавович Бирк, атташе по делам печати в эстонской миссии, давно не навещал своих московских знакомых Макара Антоновича и Агриппину Борисовну Кушаковых. Когда-то Кушаков был членом правления Московского купеческого банка. В трудные годы, девятнадцатый и двадцатый, он с помощью охранных грамот и удостоверений сберегал квартиру, числясь кем-то вроде консультанта в Наркомфине. Но как только повеяло нэпом, Кушаков ушел с работы и организовал частное предприятие – заводик в Замоскворечье с внушительной вывеской: «Кушаков и Недоля. Фирма существует с 1902 года».

Подъезжая к дому на углу одного из арбатских переулков, Роман Бирк подумал о времени, когда этот доходный дом принадлежал Кушакову. Каково было хозяину видеть, как постепенно выселялись прежние солидные квартирониматели и барские квартиры занимали жильцы, ранее обитавшие за Курским вокзалом или за Крестовской заставой. Кушаковы «самоуплотнились», раздобыв каких-то дальних родственников, и благополучно жили в своей квартире, миная трудовые, гужевые и прочие повинности.

Принят был Бирк радушно, как можно было принять дипломата пусть даже маленькой, но все же буржуазной державы. Бирк приехал с подарком. Он привез хозяйке четвер-

тинку «Бенедиктина». Агриппина Борисовна любила ликеры. У Кушаковых в тот вечер были гости. Одного из них Бирк знал – Евгения Христофоровича Градова, в прошлом видного московского адвоката, другого видел впервые. Это был блондин с резкими чертами лица, светло-голубыми глазами и аккуратно постриженной рыжеватой бородкой. Коричневый френч хорошо сидел на его худощавой фигуре, и это обнаруживало привычку к военной форме.

– Стауниц, Эдуард Оттович, – представила его хозяйка.

– Вот мы все узнаем из первоисточника, – сказал Кушаков. – Роман Густавович по своему положению был на съезде.

– Если говорить об отчете Совнаркома, то Ленин признает, что страна находится в тяжелом положении, особенно остро стоит вопрос с топливом... Вас, Макар Антонович, интересует более всего металлургия. Можете себе представить – страна производит всего шесть процентов того, что производилось в мирное время.

– Великолепно! – сказал Стауниц и добавил: – Великолепно в том смысле, что вы, Макар Антонович, вложили средства и, главное, вашу энергию в верное дело, если...

– Вот это я и хотел сказать, если не будут ставить палки в колеса, – глубокомысленно произнес Градов. – Я имел случай защищать Буша и Коринкина, частных предпринимателей, обвиняемых в нарушении кодекса о труде. Я поставил перед судом альтернативу: хорошо, господа... товарищи

судьи, закон запрещает использовать труд подростков. Но эти подростки, работая у частного предпринимателя, получают за свой труд энную сумму, которая позволяет им как-то прокормить себя, не сидеть на шее у родителей. А если мои подзащитные их уволят, положение подростков ухудшится.

– Если будут вмешиваться в частную промышленность, нам останется прикрыть лавочку, – сказал Кушаков. – Однако надо признать, что у власти я встречаю содействие. Им очень нужны сейчас лопаты, грабли, водопроводные трубы и радиаторы для отопления. В прошлые зимы водопроводное и топливное хозяйство пришло в упадок. Не надо паники. Соблюдать кодекс о труде? Пожалуйста. Гражданская война кончилась, рабочих рук сколько угодно. Зачем брать на работу подростков?

– Меня интересует другое, я рассуждаю в широком масштабе, что такое нэп? Эволюция или тактический ход? – спросил Градов.

– Всерьез и надолго, вот что мы слышали, всерьез и надолго, но не навсегда. Как расценивают это заявление господ дипломаты? – с улыбкой сказал Стауниц, обращаясь к Бирку.

– Я предложил бы обойти эту тему. В моем положении представителя иностранной державы это было бы вмешательством во внутренние дела.

– Ох уж эти мне дипломаты!

– Эдуард Оттович, господа... Прошу отведать пирога...

Как говорится, закусить чем бог послал, – вмешалась хозяйка.

– Дары Сухаревки? – осведомился Стауниц, приступая к пирогу.

Роман Бирк обратил внимание на перемены в квартире Кушаковых. Прежде, год-два назад, в углу столовой были аккуратно сложены дрова. Теперь была убрана даже железная печурка, на стенах появились картины, изображающие уток, зайцев и всякую живность. Хозяйка объяснила перемены:

– Хочется как-то украсить жизнь. Удалось сохранить столовую и нашу спальню.

– Я нахожу, что вы недурно устроились по нынешним временам.

– Все-таки придется покинуть насиженное гнездо, – вздыхая, сказал Кушаков. – Вот гримасы жизни, домовладелец бросает свою недвижимую собственность на произвол судьбы.

– И куда же вы?

– Присмотрел особнячок вблизи Чистых прудов, – правда, в плохом состоянии, придется ремонтировать, но зато мы будем одни, и никто не будет тыкать в глаза: «Домовладелец!» Думаю, к весне наладим там жизнь.

– Я бы повременил, – прихлебывая вино, сказал Стауниц. – Бросить квартиру в собственном доме? Представьте себе, обстоятельства изменились, и тогда вы здесь, на месте, купчая и все бумаги при вас.

– Мы с Макаром думали об этом. Но даже в случае перемены – кто в Москве нас не знает!

«Опять о том же, – подумал Бирк, он чувствовал какую-то неловкость, когда при нем намекали на возможность переворота. – Неужели их ничему не научили эти годы?»

Чтобы не молчать, он спросил у Стауница:

– Вы как будто из военных?

– Не в больших чинах. Прапорщик. – И он посмотрел на Бирка испытующим взглядом.

Бирк выдержал взгляд. Чтобы изменить тему разговора, он заговорил о балете. Хозяйка поддержала.

– Была на днях на «Корсаре», – затараторила она, – на сцене все, как было, но в зале, боже мой... Гимнастерки, кожаные куртки... И холод, какой холод. Я так сочувствовала Гельцер, ведь на ней только трико!

– А как насчет царской ложи? Ну и публика!

«Опять этот Стауниц!» – подумал Бирк и стал прощаться.

– Прошу извинить. У нас почтовый день, отправляем курьеров.

– Пожалуй, и я с вами. Если Роман Густавович будет так любезен и довезет, – сказал Градов.

– Ох как нехорошо... Все спешат. Вы заходите к нам, – приглашала Агриппина Борисовна, – по пятницам у нас покер, а для солидных гостей преферанс.

В автомобиле Бирк спросил у Градова:

– Кто этот Стауниц?

– Будущий компаньон Кушакова. Очень мало знаю о нем. Отец был лесопромышленником, разорился. Сын, говорят, человек со связями. Но, конечно, кроме связей нужны... – и он пошевелил большим и указательным пальцами, – золотые кружочки, империалы.

Они пересекли Лубянскую площадь. Окна большого дома были освещены.

– Серьезное учреждение, – сказал Градов и, как показалось Бирку, слегка вздрогнул.

Бирк промолчал.

В тот ночной час, когда Роман Бирк и его попутчик миновали Лубянскую площадь, глядя на освещенные окна большого дома, Дзержинский говорил со своими ближайшими сотрудниками. Этот разговор имел важное значение для событий, которые произошли впоследствии.

– Военные задачи мы решали энтузиазмом масс, рабочие и крестьяне понимали, что несут им капиталисты и помещики. Нашим делом было на фронте, через особые отделы, вылавливать и уничтожать предателей, бороться с бандами, в тылу обезвреживать заговорщиков. В отчете на съезде Советов товарищ Ленин говорил, что иначе как репрессией, быстрой, беспощадной и решительной, отвечать было нельзя. За это враги советской власти нас ненавидели и ненавидят. Теперь партия и рабоче-крестьянское правительство ставят перед нами новые задачи. Обстановка требует сосредоточения нашего внимания на задачах чисто политических. Мы и называемся теперь Государственным политическим управлением. Надо, чтобы это название внушало врагам еще больший страх, чем ВЧК. Теперь условия работы осложнились. И в особенности это относится к борьбе с контрреволюцией. Товарищ Ленин говорил, что от нас требуется больше умения и знания тактики врагов. Сфера наших действий становится более узкой, но ответные удары ГПУ по врагам совет-

ской власти должны быть более точными и сокрушительными. Мы победили в гражданской войне, мы выбросили за границу не одну тысячу наших заклятых врагов. Они рассеяны по всему миру, они нашли себе приют во всех европейских столицах. Там они вынашивают планы террористических актов, диверсий, проникновения в Советскую страну. Им помогают разведки капиталистических стран. Вооруженные силы белых, сосредоточенные главным образом в Сербии, представляют несомненную опасность. И Врангель всячески старается сохранить боеспособность своего так называемого ОРА – Объединения русской армии... Теперь я должен информировать вас о следующем...

Дзержинский остановился на мгновение, чтобы передохнуть.

– По сведениям из-за границы и данным, полученным внутри страны, мы убедились, что на советской территории действует довольно многочисленная и глубоко законспирированная контрреволюционная организация. Она называется Монархическая организация центральной России – МОЦР. Центр ее находится в Москве, а разветвления – в Петрограде, Нижнем Новгороде, Киеве, Ростове-на-Дону и на Северном Кавказе. Несомненно, что существуют еще организации и группы, пока неизвестные нам. МОЦР установила прямой контакт с центрами белой эмиграции за границей и, опираясь на их помощь, готовит восстания против советской власти. ГПУ обязано проникнуть в замыслы и планы

врага и в нужный момент нанести ему сокрушительный удар.

Для тех сотрудников, кто не занимался непосредственно делом МОЦР, сообщение Дзержинского было несколько неожиданным.

– Цека нашей партии, – продолжал Дзержинский, – которому я доложил материалы по этому делу, предлагает нам не производить арестов всех известных участников организации. ГПУ должно взять деятельность МОЦР под неослабный контроль, с тем чтобы выяснить масштабы ее, организационные формы построения, идейных и практических руководителей, состав, программу, цели, тактику борьбы и средства связи с заграницей, анализировать опасность организации для Советской республики, перехватить каналы, по которым МОЦР поддерживает контакты с заграничными белоэмигрантскими центрами. Нужно сделать так, чтобы МОЦР превратилась в своего рода «окошко», через которое ГПУ могло бы иметь точное представление о том, как предполагает действовать против нас белая эмиграция – наши враги за границей. Ленин не раз говорил чекистам, что они должны работать более вдумчиво, досконально разбираться в сигналах, тщательно проверять их и не принимать опрометчивых решений. Враг ушел в подполье, учел свои провалы и ошибки и действует теперь очень осторожно.

Дзержинский перешел к задачам:

– Что мы должны делать? Нам нужен человек, который поможет чекистам проникнуть в ядро монархической органи-

зации. Человек, которому эти господа верят, которого знают как убежденного монархиста и который мог бы стать одним из руководителей МОЦР, действуя в интересах советской власти. Недавно мы арестовали некоего Александра Александровича Якушева. Это видный специалист по водному хозяйству, занимавший в дореволюционное время солидное положение. Мы убедились, что сейчас он не только стоит на позициях, враждебных по отношению к советской власти, но и является одним из руководителей МОЦР. Следствие по этому делу ведет товарищ Артузов и его отдел...

Дзержинский повернулся в сторону Артузова:

– Якушев перешел на советскую службу после длительного саботажа, но, видимо, он начал работать лишь с целью маскировки своей контрреволюционной деятельности. Это ему не удалось. Он арестован. И, однако, мы убедились в том, что, несмотря на свои монархические взгляды, он отвергает бесчеловечные методы борьбы, которые предлагают его единомышленники. Он отвергает интервенцию. И для него, как он заявил, «превыше всего интересы России». Поэтому он осуждает терроризм и шпионаж в пользу Антанты. В то же время он категорически отказывается дать нам откровенные признания относительно МОЦР и назвать хотя бы одно имя. Так, товарищ Артузов?

– Да. Именно так.

– Но мы не должны терять надежды переубедить его, склонить на сторону советской власти. Попытаемся это сделать.

Поэтому будем держать его арест в тайне. Якушев арестован тотчас по его возвращении из заграничной командировки, в момент, когда он отправлялся в другую командировку, в Иркутск. Ни в Москве, ни за границей об аресте его не знают. По нашему мнению, моему и товарища Артузова, Якушев может быть, говоря иносказательно, тем ключом, который откроет нам, чекистам, доступ в МОЦР. Разумеется, это зависит и от самого Якушева. Он должен объявить тайную войну своим единомышленникам, войну смертельную. Вместе с тем он должен помочь нам освободить от влияния врагов и людей колеблющихся, случайно попавших в МОЦР. Ни Якушев, ни сами чекисты, которым удастся проникнуть в МОЦР, ни в коем случае не должны принимать участие в контрреволюционных действиях этой организации, но в то же время они должны создавать впечатление, будто являются убежденными монархистами. Такая работа требует ума, выдержки, смелости и находчивости. Умело маскируясь, надо глубоко проникать в лагерь врагов, подогревать их недоверие друг к другу, возбуждать взаимные подозрения, вызывать споры. Мы знаем о том, что происходит за границей: постоянные склоки, грызня между белыми эмигрантами. Надо им умело подбрасывать горячий материал, сеять между ними вражду.

Все, кто слышал эту речь Дзержинского, понимали сложность поставленной задачи. Каждое слово руководителя ГПУ воспринималось как воля партии и советской власти.

Дзержинский собрал своих сотрудников и говорил с ними, несмотря на то что здоровье его ухудшилось. Приступ острого ревматизма – болезни, которую он получил на ка-торге, – случился именно в эти дни. Врачи настаивали хотя бы на коротком отдыхе. Однако на следующий день после совещания Феликс Эдмундович вызвал к себе Артузова. Тот приехал к нему за город и привез, как было уговорено, показания Якушева. Дзержинский читал их и отмечал карандашом отдельные места.

В саду еще лежал снег, на террасе пригревало солнце, и чуть слышно звенела капель. Дзержинский прислушался и улыбнулся:

– Слышите? Это – весна...

Артузова всегда изумляла восприимчивость ко всему прекрасному в этом необыкновенном человеке. Они еще долго обсуждали детали задуманной операции, которая должна была обезвредить деятельность МОЦР. Прощаясь, Дзержинский сказал:

– Дело, которое мы с вами делаем, необходимо пролетариату. Уничтожая зло, мы должны всегда думать о том времени, когда его не будет на земле...

– И, задумавшись, добавил: – «Чтоб добрым быть, я должен быть жесток...» Это сказал Шекспир в «Гамлете».

6

Якушев ждал вызова к следователю. «Надо бороться за жизнь», – говорил он себе и в своих показаниях писал только о прошлом, о том, что было известно. Временами он убеждал себя в том, что его настоящее, то есть то, что он один из руководителей контрреволюционной организации, член ее Политического совета, неизвестно ЧК. Но внезапно ночью, в полусне, ему чудилось, что все открыто, и он покрывался холодным потом. От допроса к допросу, он все больше терял уверенность в себе. Якушев боялся предстоящего вызова к следователю, хотя этот человек – смуглый, с бархатными бровями, темно-синими глазами, похожий на итальянца – чем-то нравился. Если бы он был в смокинге, а не в гимнастерке с расстегнутым воротом, возможно, выглядел бы элегантно.

Раньше, когда Якушев думал, что может быть арестован ЧК, ему представлялся матрос с маузером, мат и угрозы. Поэтому его и удивил этот молодой человек. Допрос он вел как бы небрежно, будто бы думая о другом, но это был опасный противник. И когда следователь поймал Якушева на явной издевке, с которой была написана одна докладная записка, тот с удивлением спросил:

– Вы инженер?

Оказалось, что следователь окончил Петроградский поли-

технический институт.

– Как же вы оказались здесь, на таком месте?

– А мы, большевики, идем туда, куда нас пошлет партия. Так вернемся к тому, как вы работали при царе и как работали при советской власти. Есть разница: при царе, вы сами признали, вам резали сметы, вы даже ругаете министерство финансов; при советской власти вам шли навстречу по мере сил. Так или не так?

Якушев вынужден был согласиться. Читая показания Якушева, следовательно вдруг спросил:

– Вы семейный человек, у вас дети... Но вы не отказывали себе в некоторых развлечениях?

– С вашей точки зрения, это преступление? Я старый балетоман.

– Да... Но Мила Юрьева... Вы посещали ее как любитель балета?

– Я был у нее один раз.

– В Петрограде, в ее квартире, в доме Толстого, на Фонтанке.

– Да... То есть я был в театре на ее бенефисе и потом поехал к ней...

– Вы были ее гостем. Но кроме вас кто-нибудь был у нее в тот вечер?

– Право, не помню. Это ведь было давно.

– Осенью тысяча девятьсот семнадцатого года. Потом гости разошлись, а вы остались. Вы и еще один гость.

– Да... Какой-то негоциант, восточный человек.

– Месье Массино.

– Да... Кажется, его так звали.

Больше следователь не возвращался к этому вопросу. Но Якушев долго размышлял, откуда взялась эта Юрьева. Пустая девчонка... И вдруг вспомнил: кто-то говорил ему, что Милу Юрьеву арестовала ЧК в 1918 году. А этот Массино был ее покровителем. О встрече с Массино не хотелось вспоминать. В следующий раз следователь как будто не интересовался ни танцовщицей, ни господином Массино. Он не спрашивал о том, что делал Якушев за границей, и это одновременно успокаивало и тревожило.

Дни шли. Вызова к следователю не было.

Якушев размышлял о прожитой жизни, хлебал из жестяной мисочки суп, то есть вычерпывал пшено и какие-то кусочки, плававшие в водице, или крошил в эту водицу черствый хлеб. Впрочем, он знал, что голодала вся страна. И тут ему вспомнились обеды у Донона и домашний повар. Но Якушев все-таки предпочитал в то время хорошие рестораны и приятную компанию равных ему по положению людей. Он был интересный собеседник, любил грубоватые, «с перцем» анекдоты, умел рассказывать пикантные истории, – словом, был, что называется, светский человек, директор департамента, штатский генерал, которого принимали в некоторых домах петербургской знати. Его мечтой было побывать на костюмированном балу у графини Клейнмихель, но

туда так и не позвали.

В сущности Якушев сам сделал карьеру. Окончив Александровский лицей, он, к удивлению товарищей, выбрал должность воспитателя в лицее и пробыл на этой скромной должности три года. Там не требовались особые знания, тем более технические. Воспитатель был прежде всего светский человек, отлично знающий языки. В лицее обучались юноши из аристократических семей. Их отцы были в большинстве своем важными сановниками, и в беседах с родителями о достоинствах и недостатках их сыновей Якушев умел нравиться. Когда же, оставив службу в лицее, он пошел на службу в министерство путей сообщения, один из влиятельных отцов, сановник, дал ему ход. Став действительным статским советником, он по праву вошел в круг своих бывших воспитанников и их родителей. Этот круг нужен был Якушеву для карьеры.

Не стеснявший себя в застольных шутках, Якушев совершенно менялся, когда речь заходила о «высочайших особах». Лицо его принимало строгое выражение, и он многозначительно озирался, как бы говоря: «Не терплю вольных речей». Когда перед войной, и особенно в годы войны, открыто заговорили о вредном влиянии при дворе старца Григория, Якушев возмущался. Был случай, когда он сказал одной светской приятельнице, дурно отозвавшейся об императрице:

– Прошу не считать меня в числе ваших знакомых.

Много огорчений причинял ему ход войны, наступление в Восточной Пруссии, гибель армии Самсонова. Когда брали Ренненкампа – бездарного и глупого, Якушев утешал себя тем, что это немец. Но Сухомлинов был русский, а его обвиняли в том, что он обманул царя и Россию, утверждая, что Россия готова к войне и что у русской армии есть все для победы. Тогда Якушев решил для себя, что во всем виновата жена Сухомлинова, ее подозрительные связи с австрийским консулом в Киеве – неким Альтшиллером. Виноват был и предатель Мясоедов. Но Мясоедова повесили, а неудачи армии продолжались. Порадовало наступление Брусилова, но ненадолго. Царь принял на себя верховное командование, а дела на фронте не улучшались.

Все чаще и упорнее говорили о «темных силах» и всемогущем старце Распутине... Говорили люди, которых Якушев почитал за их титулы, придворные звания и богатство. Он уже не мог считать устойчивым свое служебное положение: беспрестанно сменялись премьер-министры и министры, происходило то, что называли «министерской чехардой», и каждый министр таскал за собой «хвост» каких-то приближенных, а иногда просто проходимцев.

Показывали безграмотные, написанные каракулями записочки «старца», адресованные высшим сановникам: «Милай, дарагой, помоги ему, бедному; бог тебе не аставит...» И сановники помогали явным жуликам и казнокрадам.

Знакомый генерал, близкий к ставке «Верховного», рас-

сказал Якушеву, что царица вмешивается в дела военные, что по совету Распутина не только сменяют министров, но передвигаются армии и начальник штаба Алексеев ничего не может сделать.

«Не слушай Алексеева, – писала царица своему венценосному супругу, – а последуй совету нашего друга... ведь ты главнокомандующий». И царь следовал совету «друга»... войска несли огромные потери.

Когда убили Распутина, Якушев подумал, что зло вырвано с корнем, но ничего не изменилось, и стали говорить без стеснения о подозрительных связях царицы чуть ли не с германским штабом, переписывали стенограммы речей ораторов в Государственной думе и те статьи в немецких газетах, где было напечатано о влиянии на царя «молодой царицы».

Все шаталось, рассыпалось и наконец рухнуло в феврале семнадцатого года. Якушев всегда считал себя патриотом и не мог безболезненно переживать неудачи на фронте. Отречение царя в пользу Михаила, брата, казалось Якушеву единственным спасением. Но вот отрекся от престола и Михаил. Как же быть? Да, Николай был слаб, но важно не то, кто сидит на троне, важен монархический принцип. А главное – нет порядка. Когда кто-то из подчиненных явился в департамент с красным бантиком в петличке, Якушев приказал ему «убрать вот это», как не соответствующее форменной одежде коллежского асессора в служебное время.

Бородатые солдаты, без поясов, шинель внакидку, вызы-

вали в Якушеве гнев. Он думал: где же верные полки, которые так хороши были в дни парадов на Марсовом поле, лейб-гусары в ментиках, гиганты кавалергарды, лейб-казаки?.. Хуже всего то, что какой-то адвокат Керенский на фронте, влезая на стул, просил (именно просил, а не приказывал) наступать, а в это время адъютантишка держал над головой премьера зонтик...

Все тревожило, огорчало, раздражало. Александр Александрович искал утешения... Осенью семнадцатого года он решил развлечься и, получив приглашение на бенефис Милочки Юрьевой, отправился в театр миниатюр на Троицкой. Якушев ценил не столько талант Милочки, сколько ее миловидность и пухленькие плечики. Когда он прошел за кулисы поблагодарить танцовщицу «за доставленное удовольствие», то встретился с ее покровителем Массино, о котором слышал как о загадочном субъекте. Господин Массино, видимо, был предупрежден об этой встрече и тут же пригласил его к Милочке Юрьевой на квартиру.

Игорь Горбачев в роли Александра Якушева

У Якушева осталось воспоминание о квартире Юрьевой, обставленной в восточном вкусе, об уютной гостиной с расписным фонарем в потолке, коврах, тахте и восьмигранном столике перед ней, о розовом, редком в то время, шампанском. Но более всего он запомнил беседу с «турецким и восточных стран негодником» месье Массино, как значилось на визитной карточке.

С брезгливой усмешкой Массино говорил о Временном правительстве, о разрухе на транспорте, о том, что американцы всерьез возьмется за эту несчастную страну, если им от-

дадут, например, железные дороги и рудники Донецкого бассейна. Со знанием дела Массино говорил о том, что в Америке формируется «железнодорожный корпус» для России, что надо изучить провозоспособность Уссурийской и Транссибирской железнодорожных магистралей, а также водные пути. В этом случае не обойтись и без русских чиновников, предвидятся большие вложения капиталов в нефтяные промыслы, медеплавильное дело, страховые компании, банки.

Якушев понимал, что, в сущности, речь идет о распродаже России, об ее ограблении. Ведь он по-прежнему считал себя патриотом. Но когда Массино заговорил с явным сочувствием о генерале Корнилове и неудаче его заговора, Якушев оказался единомышленником своего собеседника. Все же от встречи с этим господином остался скверный осадок. Когда после Октябрьской революции до Якушева дошел слух об аресте Милочки, он отнесся к этому равнодушно. И вот следователь напомнил Якушеву о ней и ее покровителе.

Все-таки как получилось, что он, Якушев, здесь, в четырех стенах, арестант? Ничто не предвещало беды, подполье хорошо законспирировано, иначе бы его не послали в командировку за границу. Удивила тотчас, вслед за возвращением, командировка в Сибирь, в Иркутск. Он не терпел проводов, уехал на вокзал один. На вокзале вышло какое-то недоразумение с билетом. Потом он оказался в автомобиле – и здесь, в камере. Конечно, его арестовали за старое, за то, что было в Петрограде, если за другое, тогда – конец.

Обо всем этом думал Якушев, зажмурив глаза, чтобы не видеть решетки в окне. Камеру тюрьмы, решетку он считал нормальной обстановкой для тех, кто шел против царя, но не для верноподданного и благонамеренного чиновника Александра Якушева.

Раздумья прервал надзиратель. Якушева повели на допрос. Они шли по коридорам бывшего жилого дома. Проходы из квартиры в квартиру были пробиты зигзагами, так, чтобы квартиры сообщались между собой. Здесь разместились следователи и другие сотрудники ЧК. Якушева привели в просторную комнату, не в ту, где происходили первые допросы. Видимо, эта большая комната была когда-то гостиной, от прежнего убранства сохранилась только люстра с хрустальными подвесками. Кроме следователя-инженера (это был Артузов) в стороне сидел незнакомый Якушеву человек. Лицо его разглядеть было трудно, он что-то читал, перебирая исписанные листки.

– Вернемся к осени тысяча девятьсот семнадцатого года, к вашей встрече с Массино, – сказал Артузов.

– Пожалуйста.

– Вы твердо убеждены в том, что он занимался только коммерческой деятельностью? Политикой он, по-вашему, не интересовался?

– Речь шла о железных дорогах, шахтах, водных путях...

– А это не политика? Речь шла и о другом, насколько мы знаем.

– Да, ведь Юрьева была арестована.

– Вы это знаете?

– Мало ли за, что могли арестовать эту дамочку. За спекуляцию, например.

– И вы больше ничего не слышали о Массино?

– Нет.

– Как же вы, патриот, могли равнодушно отнестись к планам ограбления вашей родины?

– Мне было неприятно это слышать.

– Какая деликатность... Так вот, Массино, конечно, был и коммерсантом, но у него есть и другая профессия и другое имя. Его настоящее имя Сидней Джордж Рейли. Он английский шпион и организатор террористических актов против советской власти. Он приговорен к расстрелу по делу Локкарта и Гренара. Об этом процессе вы, вероятно, слышали?

Якушев молчал. Он подозревал, что Массино и Рейли – одно лицо.

– Ну, оставим этот эпизод вашей жизни, хотя он все-таки пятно на ваших белоснежных ризах патриота. Кто такая Варвара Николаевна Страшкевич?

Холодная дрожь прошла по телу Якушева.

– Варвара Николаевна... Моя соседка. Мы живем в одном доме... Она бывает у нас, мы немного музицируем... У нее приятное сопрано, у меня баритон...

– Вы больше ничего не можете добавить к тому, что написали? – спросил Артузов.

– Ничего. Могу добавить – она мне когда-то нравилась.

– Да. Вы светский человек, Якушев... Но здесь не салонная беседа, мы не будем терять времени. Вы обещали сказать всю правду, а написали только то, что нам давно известно о вашей контрреволюционной деятельности.

Якушев сидел спиной к дверям. Артузов молча смотрел на него, а человек, перебиравший листки, не обращал внимания на арестованного, увлеченный чтением. Дверь за спиной Якушева открылась и снова закрылась. Он повернул голову и мучительным усилием заставил себя отвернуться. Прямо к столу шла высокая пожилая женщина, шумно шурша валенками. Она села на стул против Якушева. Обращаясь к женщине, Артузов сказал:

– Гражданка Страшкевич, вы знаете этого гражданина?

Женщина ответила тихо:

– Знаю. Это Александр Александрович Якушев.

– Гражданин Якушев, вы знаете эту гражданку?

– Знаю. Это Варвара Николаевна Страшкевич.

Человек, до сих пор что-то читавший, поднял голову. Его взгляд и взгляд Артузова скрестились на Якушеве, и тот подумал: «Нет, надо бороться. Иначе...»

– При каких обстоятельствах вы встречались с гражданкой Страшкевич?

– Мы были знакомы еще в Петербурге.

– При каких обстоятельствах вы встречались с гражданкой Страшкевич в последний раз, в Москве?

Якушев подумал и ответил:

– Не помню. – Потом добавил: – Предпочитаю не отвечать, я бы не хотел, чтобы мой ответ повредил Варваре Николаевне.

Артузов записывал ответы Якушева и Страшкевич. Другой, сидевший рядом с ним, спросил:

– Гражданка Страшкевич, при каких обстоятельствах вы встретились в последний раз с Якушевым?

– В начале ноября... числа не помню... Александр Александрович пришел ко мне и сказал: «Я еду в служебную командировку в Швецию и Норвегию. На обратном пути остановлюсь в Ревеле, хотел бы повидать Юрия», то есть моего племянника Юрия Артамонова... Ну вот Александр Александрович мне говорит: «Напишите Юрию пару слов, вы его обрадуете, я ему передам». Я написала буквально пару слов: жива, здорова. Александр Александрович взял у меня письмо, побыл недолго, вспомнил прошлое и ушел. После этого я его не видела.

– Якушев, вы подтверждаете то, что говорила гражданка Страшкевич?

– Подтверждаю. Так все и было. Мне хотелось сделать приятное Варваре Николаевне. Почта работает неважно. А тут есть возможность передать непосредственно привет родственнику.

– Гражданка Страшкевич, у вас есть вопросы к Якушеву?

– Нет.

– У вас, Якушев, есть вопросы к Страшкевич?

– Нет.

– Уведите.

Страшкевич встала, пугливо озираясь на Якушева, пошла к дверям. Там ее ожидал надзиратель. Если в первые минуты Якушев был ошеломлен появлением Страшкевич, то теперь он взял себя в руки. Да, он отвозил письмо. Он мог даже не передать его адресату, забыть, а потом оно затерялось. Надо сказать: «Напрасно я его взял. Человек, как говорится, задним умом крепок».

– Вы встречались с Артамоновым до Ревеля?

– Я ни разу не встречал его после того, как он окончил лицей.

– Это правда?

– Повторяю, я с ним не встречался после тысяча девятьсот семнадцатого года.

Наступило молчание. Тот, другой, нарушил молчание, сказав:

– Не будем терять времени даром. Слушайте, Якушев. Вы встречались с Артамоновым не раз в Петербурге. Вы отлично знали, что Артамонов бывший офицер, в восемнадцатом году, в Киеве, состоял в свите гетмана Скоропадского. Потом в Ревеле работал в английском паспортном бюро как переводчик. Вы все это знали и потому взяли письмо у Страшкевич. Вы были у Артамонова в Ревеле, в его квартире на улице Пиру.

Якушев почувствовал, как бледнеет, кровь отливает от лица, мысль работала лихорадочно, он старался овладеть собой и придумать ответ.

– Да, я был у Артамонова.

– Почему же вы это скрыли?

– Я не хотел причинить вред Варваре Николаевне Страшкевич... – «Не то, не то я говорю», – подумал он.

– Слушайте, Якушев, – резко начал Артузов. – Вы обманули доверие советской власти, вас посылали за границу с важными поручениями. А что вы сделали? Вы связались с врагами советской власти. Артамонов белогвардеец, враг. Разве вы этого не знали?

– Разговор у нас был самый невинный. Он спрашивал меня о жизни в Москве.

– И что вы ответили?

– Ответил, что живется трудно, что советская власть пытается восстанавливать промышленность... что нэп пока мало себя оправдывает.

– И это все? Об этом вы говорили шесть часов?

«Даже время известно», – подумал Якушев и сказал:

– Вспоминали старину, то есть прошлое.

– И только? Больше ничего вы не хотите добавить к вашим показаниям о встрече с Артамоновым в Ревеле?

– Я все сказал.

И тогда заговорил тот, другой (это был Пилляр). Он взял один из листков, которые просматривал раньше.

– Слушайте внимательно, Якушев. Это касается вас, я читаю: «Якушев крупный спец. Умен. Знает всех и вся. Наш единомышленник. Он то, что нам нужно. Он утверждает, что его мнение – мнение лучших людей России. Режим большевиков приведет к анархии, дальше без промежуточных инстанций к царю. Толчка можно ждать через три-четыре месяца. После падения большевиков спецы станут у власти. Правительство будет создано не из эмигрантов, а из тех, кто в России...» Вы в самом деле в этом уверены, Якушев?

Якушев молчал, он глядел на листки в руках Пилляра так, как если бы ему читали смертный приговор. «В сущности, так оно и есть», – думал он.

– Читаю дальше: «Якушев говорил, что «лучшие люди России не только видятся между собой, в стране существует, действует контрреволюционная организация». В то же время впечатление об эмигрантах у него ужасное. «В будущем милости просим в Россию, но импортировать из-за границы правительство невозможно. Эмигранты не знают России. Им надо пожить, приспособиться к новым условиям». Якушев далее сказал: «Монархическая организация из Москвы будет давать директивы организациям на западе, а не наоборот». Зашел разговор о террористических актах. Якушев сказал: «Они не нужны. Нужно легальное возвращение эмигрантов в Россию, как можно больше. Офицерам и замешанным в политике обождать. Интервенция иностранная и добровольческая нежелательна. Интервенция не встретит сочувствия».

Якушев безусловно с нами. Умница. Человек с мировым кругозором. Мимоходом бросил мысль о «советской» монархии. По его мнению, большевизм выветривается. В Якушева можно лезть, как в словарь. На все дает точные ответы. Предлагает реальное установление связи между нами и москвичами. Имен не называл, но, видимо, это люди с авторитетом и там, и за границей...» Вот о чем вы говорили с Артамоновым, Якушев. Вам известна фамилия Щелгачев? Всеволод Иванович Щелгачев?

– Известна, – едва шевеля губами, ответил Якушев. – Служил в разведке у Врангеля.

– Он присутствовал при вашем разговоре с Артамоновым?

Якушев только кивнул. Он был потрясен. Он думал о том, как точно сказано в этих листках все, о чем он говорил Артамонову и Щелгачеву. Отрицать? Но у него не было сил.

– Подведем итог. Таким образом, вы, действуя от имени контрреволюционной организации в Москве, предлагали свои услуги по установлению связей этой организации с белоэмигрантами за границей? Подтверждаете?

– Подтверждаю.

Пока Артузов писал, Якушев думал: кто мог его выдать? Неужели Артамонов? Он отгонял эту мысль, он видел перед собой холеное лицо Юрия, его красивые глаза, брови сдвигались, и глаза загорались злобой, когда он говорил о большевиках. Смешно даже подумать, что он выдал Якушева. Щел-

гачев? Офицер лейб-гвардии Преображенского полка, капитан из контрразведки Врангеля... Но все-таки каким образом в ЧК все узнали?

И он вдруг заговорил, задыхаясь, путаясь в словах:

– Да, все было... Было, но откуда, как вы узнали? Теперь все равно, я сознался... Но откуда, как вы узнали? Не Артамонов же, не Щелгачев... Не такие это люди. Они полны ненависти к вам.

– Это правда.

– Тогда кто же? Впрочем, вы мне, конечно, не скажете. – Якушев понемногу приходил в себя. – Кто? Эта мысль меня будет мучить, когда буду умирать...

– И все-таки это Артамонов, ваш воспитанник, – сказал Артузов.

– Неправда! – сорвалось у Якушева.

Тогда Пилляр, держа в руках листки, показал ему начало письма: «Милый Кирилл...» – и в конце письма подпись: «Твой Юрий». Затем показал конверт с адресом: «Князю К.Ширинскому-Шихматову, Курфюрстендам, 16. Берлин. От Ю.А.Артамонова, Эстония, Ревель». Якушев помертвел. На мгновение все подернулось как бы туманом, больно кольнуло в сердце, голова упала на стол, все исчезло. Это продолжалось несколько секунд, он почувствовал, что по подбородку льется вода. Перед ним стоял Артузов со стаканом в руке.

– Вот как на вас подействовало, – услышал Якушев. Но это

не был голос Артузова. Он медленно поднял голову и увидел человека в шинели, накинутой на плечи. Лицо разглядел позже, лицо очень усталого, пожилого человека, с небольшой бородкой и тенями под глазами. Якушев узнал Держинского, хотя видел его лишь однажды в ВСНХ.

– Вы потрясены, Якушев? Вы верили в то, что имеете дело с серьезными людьми, «белыми витязями», как они себя называют... Хороши «витязи»! Сами сидят за границей и играют чужими головами, подставляя под удар таких, как вы. Кому вы доверились? Эти господа играют в конспирацию по-мальчишески. И вот видите, письмо Артамонова очутилось у нас. Его прислали нам наши товарищи из Берлина. Разве мы не знали вашего прошлого и того, чем вы занимались в тысяча девятьсот девятнадцатом году? Знали, зачеркнули, поверили и дали вам работу! Вы могли хорошо, честно трудиться по своей специальности. К нам пришли и с нами работают люди, которые вначале скептически, даже враждебно, относились к советской власти. Но постепенно они убеждались в том, что у нас одна цель: восстановить народное хозяйство, из отсталой, темной России создать первое на земле социалистическое государство. А такие, как вы, Якушев, шли на советскую работу с расчетом, чтобы под маской честного специалиста устраивать контрреволюционные заговоры. Так?

– Да. Так. Я виноват в том, что, находясь на советской службе, связался с эмигрантами... Но, по правде говоря, это

ведь были одни разговоры. Мне хотелось произвести впечатление, я говорил о том, чего нет в действительности... Одни разговоры.

– Нет, Якушев. Это были не просто разговоры, не контрреволюционная болтовня. Есть конкретные, уличающие вас факты, вы и ваши единомышленники в Москве и Петрограде готовили выступления против советской власти, вы были одним из руководителей подпольной монархической организации.

Дзержинский смотрел прямо в глаза Якушеву. Тому было трудно выдержать прямой, пронизывающий взгляд, он опустил голову.

– Мы поставили вас перед фактом, уличили в том, чем вы занимались в Ревеле. Мы знаем, что вы делали в Москве до и после поездки в заграничную командировку, вернее, что собирались делать, но вам помешали. Вы хотите, чтобы мы вас изобличили снова и поставили перед фактами вашей контрреволюционной деятельности в Москве? Подумайте, в ваших ли интересах об этом молчать? Подумайте об участи, которая ожидает вас, если по-прежнему будете лгать и изворачиваться! Только полная искренность, полное признание своей вины, своих преступлений может облегчить вашу участь. Дзержинский шагнул к двери.

– Я... подумаю, – с трудом выговорил Якушев.

– Мы вам дадим время подумать.

«Значит, все известно. Все...» Теперь у Якушева в этом

не было сомнений. Когда он поднял голову, Дзержинского уже не было в комнате.

Якушев снова в камере. Он сидел перед чистым листом бумаги. В его сознании возникали путаные мысли. «Единомышленники, – думал он. – Кто они? Артамонов, Ширинский-Шихматов... Ничтожные людишки, игравшие моей головой. Или эти господа – петербургские сановники, у которых отняли их чины и звания, придворные мундиры, усадьбы, родовые имения, майораты. Или гвардейские офицеры, сенаторы, богачи-промышленники, выползавшие из щелей, куда они забились, чтобы обсуждать в Политическом совете МОЦР планы подготовки переворота...» Якушев думал о своей семье, детях, жене. Знают ли они, что с ним произошло? Может ли он принести себя в жертву, бросив семью на произвол судьбы? В тяжком раздумье шли минуты, часы... К утру на чистом листе бумаги появились первые строчки: «Признаю себя виновным в том, что я являюсь одним из руководителей МОЦР, Монархической организации центральной России, поставившей своей целью свержение советской власти и установление монархии. Я признаю, что задачей моей встречи в Ревеле являлось установление связи МОЦР с Высшим монархическим советом за границей, что при возвращении в Москву я получил письмо от Артамонова к членам Политического совета...»

По мере того как Якушев писал свои показания, перед

ним яснее вырисовывались его единомышленники. Он не мог не думать о них в эту минуту. «Единомышленники? Черниговский помещик, камергер Ртищев, балтийский барон Остен-Сакен, нефтепромышленник Мирзоев, тайный советник Путилов. Они все еще мечтают о том, чтобы вернуть себе чины, поместья, богатство...

Я был белой вороной среди них... Как патриот, я заботился о благе народном... «Патриот», а всю ночь толковал с британским разведчиком о том, как отдать на разграбление родину! Чем все это кончилось? Я стою над бездной...»

Якушев писал откровенно обо всем, что знал, замирая от ужаса и отчаяния.

«Подписываю себе смертный приговор, – думал он. – Но все равно, пусть будет то, что будет... Если бы можно было зачеркнуть прошлое, жить для семьи, музицировать, любоваться картинами в музеях или просто работать на скромной должности, приносить пользу... Нет, все кончено».

И он написал: «Я рассказал всю правду о моей контрреволюционной деятельности и к этому могу только добавить: если мне даруют жизнь, то я откажусь навсегда от всякой политической деятельности. А.Якушев».

В феврале 1922 года нэп только разворачивался. Еще не появились объявления поставщика древесного угля Якова Рацера, в школах не писали карандашами концессионной фабрики Гаммер, не блистали в витринах магазинов лезвия бритв фирмы «Братья Брабец» и в пивных не подавали пиво фирмы «Корнеев и Горшанов».

Однако уже в то время москвичи с удивлением останавливались на Петровке перед освещенной витриной, где в «художественном» беспорядке были выставлены воротнички из пике, кепки из грубой шерсти, подтяжки, манишки. Удивительным казалось и объявление в Пассаже на опущенной железной шторе магазина: «Здесь в скором времени откроется контора товарищества Кушаков, Недоля и Ко».

Перед этим объявлением остановился Роман Бирк, совершавший обычную прогулку по Столешникову переулку и Петровке. Он собирался продолжить прогулку, как вдруг заскрежетала железная штора и из-под нее вынырнул Стауниц. Бирк вспомнил встречу у Кушаковых и, вежливо поклонившись, хотел уйти, но Стауниц непринужденно взял его под руку:

– Я вас заметил в боковое окно. Соболаговолите зайти, посмотреть, как мы устраиваемся, – и с удивительной настойчивостью увлек его за собой.

В конторе все еще был беспорядок, на полу неубранные стружки, пахло краской, но в глубине стоял стол и над ним надпись: «Директор-распорядитель». На столе пишущая машинка, а за ней копалась в бумагах рыжеволосая девица.

– Прошу ко мне, – сказал Стауниц с той же настойчивостью и проводил Романа Бирка по винтовой железной лестнице на второй этаж. Здесь было комфортабельно, стоял диван и два кресла. Бирк обратил внимание и на одежду Стауница. Он был в шубе, и из-под нее виднелись не модные в то время высокие шнурованные башмаки и галифе, а туфли с лакированными носами и брюки в полоску.

– Все пока в хаотическом беспорядке, – объяснил Стауниц, – но через неделю мы будем принимать клиентуру. Занимаемся сейчас мелкой продукцией – грабли, лопаты, топоры, и все-таки это не какая-нибудь дрянь вроде воротничков и манишек. Беда в том, что рубль – это нечто эфемерное, счет идет на миллионы, приходится постоянно следить за курсом золота, фунтов стерлингов, долларов на черном рынке...

«К чему он это мне рассказывает?» – думал Бирк.

– Роман Густавович, дипломатическая карьера – превосходная вещь, если дипломат принадлежит к аристократическому семейству, если он богат и состоит при посольстве великой державы. Насколько я понимаю, вы не удовлетворяете этим требованиям...

Сотрудник ЧК Владимир Стырне. Почтовая марка

– Меня удивляет... – обиженным тоном начал Бирк.

– Одну минуту. Мы наедине, и до сих пор я не сказал ничего опасного... То, что я хочу вам предложить, устроит не только вас, но и вашего дядю, который занимает более высокий, чем вы, пост в вашем посольстве. Я не предлагаю вам незаконную торговлю экспортным спиртом, это громоздкая операция... Но если хотите, пользуясь привилегиями дипломатов, уехать отсюда богатым человеком, слушайте меня.

– Если ничего противозаконного...

– Это как сказать. Кречинский в пьесе Сухово-Кобылина

сказал: «В каждом доме есть деньги, надо уметь их взять». Если не в каждом, то в некоторых домах все же есть старушки, у которых в вазоне или в щели припрятаны чистейшей воды бриллианты. Менять на пшено сухаревским шакалам голубые бриллианты глупо, но старушки любят сладкое... словом, с нэпом пробудилась страсть к красивой жизни. Более того, я знаю, например, дом, где хранится подлинный Гвидо Рени, это уже пахнет десятками, если не сотнями тысяч фунтов стерлингов. Как вывезти? А для чего существует дипломатическая почта?

Бирк молчал. Стауниц с покоряющей наглостью смотрел на него холодными серыми глазами.

– Ну, оставим Гвидо Рени. А чем не товар бриллианты или изумруды? Они занимают так мало места, их можно вывезти в жилетном кармане. А купить их можно за ничтожную сумму.

– Вы говорите – за ничтожную сумму. Но если сравнить ее с моим скромным жалованьем, это – состояние.

– А на что ваш дядя? Уверен, что он поймет выгоду предприятия.

Внизу послышались голоса.

– Это Кушаков. Если вы не хотите встречи, отсюда прямой ход с площадки на лестницу.

И действительно, Роман Бирк оказался в каком-то дворе и через ворота вышел на улицу.

– Подумайте, – на прощание сказал Стауниц. – До скоро-

го...

Роман Бирк не мог забыть эту встречу и, стремясь понять, что же собой представляет Стауниц, на следующий вечер отправился с визитом к Кушаковым.

В этот день, вернее, вечер у них шла игра в покер. Роман Густавович застал у Кушаковых компанию игроков. Стауниц хотя и был увлечен игрой, но, увидев Бирка, сделал ему знак, который можно было истолковать так: хорошо, что вы здесь, вы мне нужны. Играли на золото, серьезно. Стауниц был в выигрыше. Роман Бирк развлекал беседой Агриппину Борисовну и незаметно заговорил о Стаунице.

– Откровенно говоря, мы его мало знаем. В последний момент он не внес свой пай в наше дело. Станный человек, я его боюсь.

– Боитесь?

– Инстинктивно боюсь. Вы обратили внимание на его глаза? А его странная улыбка, он на всех смотрит свысока. У него милая жена, дочь, мы их никогда не видим. А почему вы им заинтересовались?

– Дипломаты – люди общительные. Их долг – интересоваться всеми и всем... Он, кажется, кончил игру.

– Да. Должно быть, он в выигрыше. Он никогда не дает отыгратся партнерам... Пойду похлопочу об ужине.

На этот раз Стауниц сделал только передышку в игре. Он взял под руку Бирка и увел его на застекленную террасу, которая у Кушаковых называлась «зимним садом».

– Я хотел бы продолжить наш разговор, – начал Стауниц, – тогда нам помешали... Не беспокойтесь, не в том смысле, как он начался там, в нашей конторе. Я хотел бы поговорить с вами на тему, близкую к вашей деятельности. Вы, как каждый дипломат, хотели бы сделать карьеру. Не так ли?

– Да... конечно. Но это зависит...

– Это зависит от вас самих. Как вы смотрите на положение России сейчас, сегодня? Вы убеждены в прочности советского строя? Вы хотели бы принести пользу России?

– Вы забросали меня вопросами. Мне трудно ответить.

– Я буду говорить вполне откровенно. Вы находитесь на службе у буржуазной Эстонии. Вы кое-что знаете, потому что состоите в эстонской дипломатической миссии. Кое-что, но не все. В России в недалеком времени произойдут перемены. Есть сильная, тайная разумеется, организация. Есть люди, которые возьмут власть. Если вы, дипломат буржуазной державы, окажете этой организации некоторые услуги, то при перевороте ваша карьера обеспечена. Вы, а не Боррес или ваш дядя будете послом, а может быть, и министром иностранных дел в вашей стране. Вы меня поняли?

Роман Бирк в растерянности не находил слов, так его поразила откровенность Стауница.

– Подумайте о том, что я вам сказал. Мы в скором времени продолжим этот разговор.

Стауниц вернулся к игорному столу, а смущенный Бирк, простившись с хозяйкой, счел нужным уйти.

«Что это, – думал он, – ловушка или шантаж? Неужели то, о чем говорил этот подозрительный человек, – правда? Неужели существует подпольная контрреволюционная организация и дело идет к открытому мятежу, попытке переворота? Нет дыма без огня». Бирк даже при своем скромном положении в миссии не мог не заметить, что военный атташе Лауриц нащупывает какие-то связи с притаившимися контрреволюционерами. Однажды донесли до него обрывки разговора посла с военным атташе. Лауриц убеждал посла: «На этот раз перед нами нечто серьезное и солидное». Посол ответил: «Боюсь, что наша маленькая страна будет проглочена восстановленной монархией...» Тут Бирк кашлянул, чтобы дать знать о своем присутствии, разговор оборвался. «Значит, – думал Бирк, – они имели сведения об этой организации, очевидно, от белых эмигрантов, которые живут в Ревеле».

Он шел по переулку, шлепая по лужам.

– Поберегись!

Его обгонял лихач. Это было так удивительно в Москве 1922 года, что Бирк не догадался остановить лихача, но тут же услышал:

– Прокачу на резвой?

Бирк сел в пролетку и поинтересовался:

– Откуда ты взялся, любезный?

– Дорогомиловские мы. А что?

– Удивительно.

– Так ведь нэп, ваша милость...

Этот возникший из весенней мглы лихач, видение прошлой жизни, хотя и вез Бирка, но расстроил его. Что же, очевидно, Кушакову, Стауницу нужны лихачи. Пятнадцать минут, пока лихач мчался по спящему городу, Бирк все еще думал о разговоре со Стауницей.

Если бы Стауниц знал всю правду о Романах Бирке, он не был бы с ним так откровенен. Дело в том, что четыре года назад Бирк был красным командиром в эстонском коммунистическом полку. Это тайна, которую приходилось скрывать от всех, даже от дяди. Роман Бирк спасся чудом, когда белогвардейцы и интервенты покончили с Эстонской трудовой коммуной и провозгласили буржуазную республику. Скрыв свое прошлое, Роман Бирк устроился на службу в министерство иностранных дел. Он понимал, что его ждет в случае разоблачения. С такими не церемонятся в буржуазной Эстонии, их удел – тюрьма и полевой суд. Но Роман Бирк не изменил революции и в глубине души остался верен идеям, во имя которых сражался в рядах эстонской Красной Армии.

Якушев потерял счет дням. Он то впадал в оцепенение и бездумно сидел, уставившись в стену камеры, то приходил в ярость, когда вспоминал об Артамонове: «Щенок! И этот князек Ширинский-Шихматов тоже. Я знал его отца, несчастный рамолик... Но почему тянут следствие? Кажется, все ясно». Когда за ним пришли, Якушев почувствовал облегчение. Скоро все кончится. Сюда, в эти четыре стены, он не вернется. Он думал, что конвоиры ждут за дверью камеры. Но его вел тот же надзиратель, и это было странно. Когда же он очутился в комнате, где происходил первый допрос, и увидел знакомого следователя-инженера, то не мог поверить глазам. И разговор был неожиданным.

– Вы говорили Артамонову и Щелгачеву: «Я против интервенции»?

– Говорил. Мне отвратительна сама мысль об этом.

– А им – нет. Они согласны отдать Россию Антанте, кому угодно, лишь бы им возвратили их чины, имения. Как вы думаете, для чего вы им были нужны? Почему они и сейчас ждут вас? Кстати, это нам известно. Вы им нужны. Через вас они хотят руководить контрреволюционной организацией внутри Советской страны, террористами, диверсантами, шпионами – вот для чего вы им нужны.

– Но я сказал им, что против террора!

– Да, вы так говорили. Вы говорили и о правительстве из спецов. Смешно! Они только и ждут, чтобы опять сесть на шею народу, а вы им: «Нет, это мы, спецы, войдем в правительство, а не вы, эмигранты». А их цель другая: «Помогите вернуться, а там мы вам покажем, кто будет править Россией».

«К чему он это говорит, – подумал Якушев. – Скорее бы кончилось».

– Что бы вы стали делать, если бы очутились на свободе? Это было неожиданно. Якушев ответил не сразу.

– Думаю... Думаю, что был бы лоялен в отношении советской власти, честно работал бы по специальности.

– И только? А если к вам явится кто-нибудь оттуда, из эмиграции? Или из подпольной организации?

– Пошлю его к черту. Ведь они подвели меня под расстрел.

– Только поэтому?

– Не только. У меня было время подумать.

– И что же вы надумали? «Послать к черту?» В этом выразилась бы ваша лояльность? А этот тип пошел бы к другому, на другую явку и занялся подготовкой террористического акта.

– Я против террористических актов. Я же им говорил.

– И вы думаете, что вы их убедили?

– Не думаю, но что они могут сделать? Народ все-таки против них.

– Однако у них достаточно сил для того, чтобы лихорадить страну, натравливать на нас Пилсудского, Маннергейма, провоцировать пограничные конфликты. У них есть одержимые, которые будут бросать бомбы, стрелять в наших товарищей.

– На это вы отвечаете расстрелами.

– Отвечаем, конечно. Это государственная необходимость. Мы отвечаем на белый террор – красным. Но начали они: они ранили Ленина, убили Володарского, Урицкого. Мы ведь отпустили под честное слово Краснова и этого шута Пуришкевича. Вы говорили Артамонову о монархических настроениях в народе? Говорили? А сейчас вы стали думать иначе? Тогда вам казалось, что вы знаете народ. А теперь?

– Теперь... Я о многом думал. Перед смертью не лгут... Победы Красной Армии, как это ни прискорбно для нас, – победы народа.

– А если это так, то зачем народу деятельность МОЦР? Вы подумали об этом?

– Мало ли о чем я думал в эти дни и... ночи. В общем, я написал последние показания. Мне абсолютно ясна бессмысленность наших действий.

– Бессмысленность? Преступность.

– Да. Преступность. Я видел, что мы идем против народа, и все-таки упорно гнул свою линию, искал единомышленников, людей, способных на диверсии, убийства. Теперь я вижу, как это было мерзко и глупо. Впрочем, зачем я вам это

говоря? Все равно вы мне не поверите, хотя я писал вполне откровенно.

– Почему не поверим? Мы считаем вас принципиальным человеком, даже патриотом. Иначе этого разговора не было бы. У нас с вами идейный поединок. Ваши монархические чувства – это классовая ограниченность. Нельзя же быть слепым! Чтобы служить родине, надо быть не просто лояльным, а подлинным ее гражданином, работать для нее не за страх, а за совесть. Вы подписали отказ от политической деятельности. Что ж, поверим...

Он обошел вокруг стола и открыл ящик.

– Вы свободны, Александр Александрович. Вот ваши документы. Можете продолжать работать. С нашей стороны нет никаких препятствий. Предупреждаю вас только об одном: ваш арест и все, что связано с ним, необходимо держать от всех в абсолютной тайне. Об этом также предупреждена и гражданка Страшкевич. Для всех, в том числе и для семьи, вы были в командировке в Сибири и там болели тифом. Мы позаботились о том, чтобы эта версия была вполне правдоподобна.

Якушев не верил тому, что услышал. Но Артузов положил перед ним его служебное удостоверение и другие документы, отобранные при аресте, пропуск на выход.

– Я вас провожу.

Они шли рядом по лестнице. С каждой ступенькой Якушев чувствовал, как он возвращается к жизни... Часовой

взял пропуск и удостоверение, сверил их. Пропуск оставил у себя, удостоверение возвратил.

– До свидания, – сказал Артузов.

Дверь за Якушевым закрылась. Была ночь. Запоздалый трамвай промчался со стороны Мясницкой. Какая-то девушка со смехом бежала по тротуару.

Молодой человек догонял ее. Якушев был на свободе. Полчаса спустя он подходил к дому, где жил. Два окна его комнаты были освещены. Значит, жена и дочь не спали. Он задержался у самых дверей квартиры, взялся за подбородок. «Борода отросла... пожалуй, сразу не узнают», – подумал и позвонил. Открыла дверь дочь и действительно не узнала. Высунулся из кухни сосед и сказал: «С выздоровлением!»

Якушев прошел в свою комнату. Вбежала жена, в халатике.

– Наконец! Мы так ждали!..

– Поезд опоздал, – сказал Якушев и подумал: «Месяца на три опоздал».

– Боже... Mais cette barbe! (Но эта борода! – прим.) При том седая!

«Милая институтка, – подумал Якушев, – кабы ты знала все... Но ты не узнаешь...»

– Утешься. Завтра бороды не будет.

– Когда пришла телеграмма, я решила ехать к тебе. Но меня так напугали...

– Какая телеграмма? – вырвалось у Якушева.

– Твоя... Ты что, не помнишь? – сказала дочь.

– Ах, да. Температура высокая, тиф... Разве упомнишь.

Он сидел в своем любимом кресле. Все было на месте: письменный стол «жакоб», виды курорта Экс-Лебэн на стенах, и бронзовая настольная лампа, и текинский ковер. Как все знакомо, как уютно! В хрустальной вазе увидел вскрытую телеграмму, взял ее и прочитал:

«Серьезно болен тчк уход хороший не волнуйся обнимаю Александр».

– Ты очень устал с дороги?

– Конечно. Вот если бы ванну...

Когда он шел в ванную в халате из верблюжьей шерсти, купленном где-то за границей, в коридоре встретился с болтливой соседкой:

– А мы вас заждались... У нас по-прежнему собираются каждый четверг – преферанс...

Ванну Якушев придумал, чтобы остаться наедине, собраться с мыслями. Сидя в теплой воде, размышлял: «Завтра пойдет обычная жизнь, служба. К черту всякую политику! Жить тихо, без всяких тревог. Иногда театр или концерт. Но, конечно, с Варварой Страшкевич я не буду музицировать. Вообще эта связь с соседкой, как бы Варвара ни была мила и деликатна, не очень украшает меня... И к чему это? Седина в бороду, а бес в ребро, как говорится».

Он тщательно вытерся мохнатой простыней, накинул старенький халат и прислушался. Кто-то царапался в дверь, по-

визгивая. Бум – милый песик. Якушев открыл дверь, и к нему ворвался белый с рыжими пятнами фокстерьер. Подскочив, лизнул хозяина чуть не в губы. Это растрогало Якушева, он погладил собачку и прошел в комнату детей. Сын Саша проснулся и сквозь сон пробормотал:

– Папа, ты обещал... в музей...

– Тебе тут звонил какой-то Любский, – сказала жена.

«Вот оно... начинается», – подумал Якушев.

В воскресенье утром он услышал в коридоре голос Варвары Николаевны Страшкевич:

– Папа дома? А мама? Нет? Жаль...

Якушев поморщился, но, как человек хорошего воспитания, пошел навстречу даме и пригласил к себе. Она вошла, оглянувшись, подставила щеку. Он сделал вид, что не заметил, и подвинул ей стул.

– Ты, надеюсь, на меня не сердишься? – спросила она.

– Ты сказала правду.

– Я бы не пришла, если бы у нас была простая связь. Я очень увлеклась тобой, Александр. Мы оба виноваты перед твоей женой. Но что было, то прошло... Дело в том, – она понизила голос, – когда я вернулась оттуда, застала открытку из Ревеля... От Юрия. Он спрашивает о тебе. Что ответить?

– Ответь, что я был в командировке. Болел. Теперь здоров... Кроме того, я хочу тебе посоветовать молчать обо всем, что произошло со мной и с тобой. Молчи, если ты не хочешь, чтобы все повторилось и кончилось иначе, чем в

первый раз. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Ты мог бы не предупреждать меня. Я не ребенок, я дала подписку молчать и понимаю, что там шутить не будут...

Прощай. Или до свидания?

– Скорее – прощай.

Он стоял отвернувшись. Она подождала мгновение и ушла.

Якушев был по натуре оптимист, жизнелюб и не любил себя утруждать горестным раздумьем, но, оказавшись на свободе, несколько растерялся. Правда, его долгое отсутствие не отразилось на работе. Начальство выразило сочувствие и осведомилось, как он себя чувствует теперь, после «тяжелой болезни». Видимо, кто-то сказал: пусть работает как ни в чем не бывало.

Якушев вернулся к составлению плана строительства канала Волго-Дон – как ему казалось, самого несбыточного еще со времен Петра Первого. А душа была беспокойна.

Он никому не мог рассказать о своих чувствах и о том, что пережил. Все, что произошло, надо было продумать в одиночестве. У него никогда не было закадычных друзей, да если бы они и были, то все равно с ними нельзя было говорить. Тайна его ареста должна умереть вместе с ним. Среди писем, которые пришли, пока его не было, он нашел одно, которое особенно взволновало. Писал Николай Михайлович Потапов:

«Милейший Александр Александрович, вот уже три недели я томлюсь в госпитале, шалит сердце. От скуки сатанеешь. Если у вас найдется часок свободного времени, навстите старого приятеля».

Потапов... Кажется, он мимоходом назвал его имя в по-

казаниях, а связи с поступлением на службу. Вряд ли этот случайный разговор может повредить генералу. Письмо написано три недели назад. Якушев позвонил Потапову, генерал был еще в госпитале, в Лефортове.

И вот они в саду, на скамье под столетними деревьями. Снег почти сошел, земля подсыхает, день теплый, солнечный. Потапов накануне выписки из госпиталя, ему разрешены длительные прогулки.

– Привел бог опять в «петровскую военную гофшпиталь», как говорили в старину. Прочно строили прадеды наши. Правда, каменное здание построили в начале прошлого века, но сад развели еще при Петре... Мы сидим под петровским дубом.

Потапов поглядел на Якушева: тот был озабочен.

– Что-то вы в грустях, друг мой?

– Есть причины.

– Неприятности по службе? Я ведь в некотором роде ваш крестный отец – дал добрый совет пойти работать...

Якушев молчал, да и что он мог сказать.

– Мы с вами поступили правильно, как и следовало сынам России. О нас, может, и доброе слово скажут потомки. Уверен, что о таких наших современниках, как Алексей Алексеевич Брусиллов, напишут не одну книгу. И не потому, что будут изучать его полководческое искусство. Главное, он с народом. И этим с первых дней революции показывает нам пример, как должен поступать истинный патриот!..

– Я слышал об этом.

– А я разговаривал с ним не так давно.

– Кстати, как он?

– Работает, хоть и болеет. Какая ясность ума, нравственная сила! С первых дней он отверг все авансы господ контрреволюционеров. Некто Нестерович-Берг, был такой, явился к нему, еще при Временном правительстве это было, предложил Брусилову возглавить военный переворот, захватить власть и объявить Корнилова диктатором. Алексей Алексеевич ответил: «Не обращайтесь ко мне с такими предложениями. Должен сказать вам и всем вашим единомышленникам, что почитаю всю эту затею авантюрой, во главе которой я, генерал Брусилов, стоять не намерен». А тут Октябрь, советская власть. Является к Брусилову связной, вернее, связная от имени Дутова, Каледина и Алексеева: «У нас, мол, все подготовлено, самое время вам бежать на Дон, ваше имя, ваш авторитет нужны белому движению». Брусилов отвечает твердо, как он умеет: «Никуда не поеду. Пора забыть о трехцветном знамени и соединиться под красным». Эта дама, связная, потом на допросе показала: «Меня как громом поразило. Я спросила Брусилова: «Что передать от вас Дону?» Он ответил: «То, что я вам сказал, то и передайте». Я потом спрашивал Алексея Алексеевича: так ли все было? «Так». Ну и естественно, что произошло вслед за этим – его воззвание ко всем бывшим офицерам, затем обращение к солдатам-врангелевцам. Имя Брусилова стояло в этом обра-

щении рядом с именами Ленина и Калинина.

– Говорили, что он пошел на это после казни белыми его единственного сына – красного командира.

– Вы думаете, им двигало чувство возмездия? Нет. Не легко было узнать о казни сына, но категорические ответы Брусилова белым были до гибели сына... А Поливанов, бывший военный министр! Генералы Клембовский, Гутор, Зайончковский, Снесарев, Свечин!.. А моряки Альтфатер, Беренс, Зеленый, Кукель-Краевский!.. А десятки тысяч офицеров, честно выполняющих свой долг перед родиной в Красной Армии? Многое простится нашему поколению потому именно, что были среди нас и подлинно честные люди...

Что мог сказать Якушев? Он угрюмо молчал, и чуть не каждое слово больно уязвляло его. Вдруг, заторопившись, взглянул на часы...

Потапов заметил это:

– Не стану вас задерживать, Александр Александрович... А bientôt! Якушев чувствовал, что в разговоре с Потаповым он не только не обрел покой, но душевное смятение его увеличилось.

И все-таки он не уходил. По аллее бежала девушка, медицинская сестра, если судить по косынке.

– К вам тут еще посетитель... Тверской по фамилии! – кричала еще издали.

– Пусть идет сюда. А вы не спешите, Александр Александрович.

К ним довольно бодрой походкой шел старичок в валенках, в охотничьей куртке, в башлыке, завязанном узлом на шее. Седая борода разметалась по башлыку.

– Князь?.. – Лицо Потапова выразило одновременно удивление и удовольствие.

Старичок размотал башлык, вытер платком рот, разгладил бороду и тогда только поздоровался, как бы уколов Якушева взглядом из-под косматых бровей.

– Рад вас видеть... на свободе, – сказал Потапов.

– Вторую неделю. Во-первых, мерси... Вы знаете, за что. Во-вторых, я к вам за советом. Но это во-вторых.

– Не стоит благодарности. Как это вас угораздило? Хотя... титул и все прочее. Вы долго просидели?

– Два года без одного месяца.

Якушев с симпатией поглядел на старика: «Вроде однокашники».

– Как же все-таки это вышло?

– Очень глупо. Но это длинный рассказ.

– Нет, уж вы расскажите.

– Значит, осенью девятнадцатого года я, как вы знаете, cher ami, жил у своего садовника, Ветошкина, в Зарайске. И вдруг пожаловал ко мне фон Рейнкуль, желтый кирасир, я его у Бобринских встречал. И начинает очень пышно, в духе Карамзина и Мещерского: «Мы переживаем исключительные дни – генерал Деникин в Орле... Вы, подобно вашим предкам, должны быть готовы встретить хлебом-солью его

превосходительство, а засим и будущего царя всея Руси...»
Слушаю я этого господина и спрашиваю: «Это кого же именно?»

– В самом деле, кого?

– «А это решит Земский собор... – отвечает мне фон Рейнкуль. – Ваши предки возводили на трон царя Михаила Федоровича». Я ему говорю: «Выбор нельзя сказать чтоб удачный. И вообще, говорю, мы этих Голштин-Готторпских, Романовых не чтим, мы Рюриковичи, бывшие удельные князья. Так что ваш генерал Деникин и «царь всея Руси» от меня хлеба-соли не дождутся».

– Ну, князь, вы всегда были либерал, – едва удерживаясь от смеха, сказал Потапов.

– Как же не либерал, во втором классе по железной дороге ездил, экстренных поездов, как мой кузен светлейший князь Петр Григорьевич, не заказывал.

– А все-таки как же вас в тюрьму?... Хотя время-то какое было.

– Вот именно. Ну этот фон Рейнкуль, когда я ему все высказал, заскрипел зубами и буркнул: «Мы это вам припомним», – и с тем ушел. А я думаю, кого они еще найдут из этих Голштин-Готторпских, Николая Николаевича с его супругой-черногоркой, так это не лучше Николая Александровича с его гессенской немкой. Я близко знал сестру ее, Елизавету Федоровну, бывал у нее в Марфо-Марьянской обители. Она и Джунковский все меня в православии наставляли.

Нет! И старик взмахнул руками.

– Скажите мне, с чего этих немочек на православие потянуло? А вот с чего: у лютеран – кирка, стены голые, пастор что-то бубнит, а у нас – синодальный хор, музыка Бортнянского, золотые ризы, что ни говорите, лучше, чем кирка... Мы-то с вами знаем, что наши попики не прочь наливочки хлебнуть и молоденьких прихожанок пощупать...

– Ну, князь, вы форменный безбожник!

– Это я теперь стал, а двадцать лет назад меня Толстой Лев Николаевич совсем было в свою веру обратил, я даже к духоборам в Америку ездил.

– Ну за что вас все-таки взяли?

– Не знаю. Может, за этот визит Рейнкуля. Его-то расстреляли, как вам известно. А у него, говорят, список нашли. Всех, кто уцелел из московского бомонда, он, оказывается, почтил своим визитом. Ну и я, наверно, был в том списке. Следователь мне говорит: «Куда ты лезешь, старик? Тебе в субботу сто лет!» И меня в Бутырки, нет, прежде в лагерь Ивановский, что в монастыре на Солянке. Застаю там весь Английский клуб – Олсуфьевы, Шереметевы, Шаховские... И все те же разговоры, разумеется, по-французски: у кого борзые лучше – у Болдырева или у Николая Николаевича – и у кого повар был лучше – француз Дешан или Федор Тихонович у Оболенских. А меню у нас у всех такое: мороженая картошка и ржавая селедка. Едим и ругаем большевиков. А старая княжна Вера, пока еще совсем не помешалась,

говорит вполне разумно: «Mais c'est de la betise, mes amis. Глупости, друзья мои... Помните дюков, маркизов, виконтов, как их из замков Шамбор, Блуа прямо в Консьержери, а оттуда в тележке на гильотину». Ну все и приумолкли. А потом опять все о том же... Мне мой Ветошкин носил передачи, бабушку раз принес из пшенной каши с клюквенным соком, прелесть! Только мне мало досталось, я одного анархиста кормил. Тщедушный какой-то, с махновским уклоном. Меня по древности лет от работ освободили, – впрочем, парашу выносил, заставили. Один бандит, веселый такой, говорит: «Парашу вынести не может, а еще князь... А мой дед в твой годы ни одну девку не пропускал...» Забавный. Теперь уже Потапов и Якушев не могли удержаться от смеха.

– Нет, я вам скажу, – продолжал князь, – я вроде Пьера Безухова – многому обучился. Валенки подшивать – вот это моя работа. Клеенкой обшил – кожа дефицитная... Но главное – какие там дискуссии были: меньшевики с эсерами, анархисты и с теми и с другими, – вообще, насчет духовной пищи там обстояло хорошо. Меня в библиотекари выбрали, культурно-просветительная работа кипела. Концерт Шаляпина устроили для политзаключенных в Бутырках в двадцатом году. Какое наслаждение! Где, в какой тюрьме это услышишь?

– Если вас послушать, князь, то ведь это райское житье! – криво улыбнулся Якушев.

– Ну, не райское, далеко не рай. Ходит вокруг тебя ка-

кой-нибудь субъект, рассуждает о бессмертии души, а потом и нет его – «приговор приведен в исполнение». А другому, смотришь, заменили – дали десять лет, «красненькую через испуг» это называлось у бандитов... А вот к шпионам относились брезгливо... даже бандиты и спекулянты.

– И вы давно на свободе? – спросил Якушев.

– Вторая неделя пошла.

– Как же это произошло?

– Довольно просто. Вот Николай Михайлович знает...

– Не преувеличивайте.

– А мне прямо сказали: «Вы товарища Потапова знаете? Он сказал, что вы из толстовцев». Ну это, говорю, было. Я с толстовцами давно разошелся на почве непротivления злу. Непротivление? Этак всю Россию растащат по кускам. «А теперь, – спрашивает следователь, – какие у вас убеждения?»

– А в самом деле, какие?

– Такие, какие и были, отвечаю. «Бытие определяет сознание». Только прежде у меня между бытием и сознанием был разрыв, мешал титул, поместье. А теперь ничего нет, какое бытие, такое и сознание. «Вы, – спрашивает, – не у меньшевиков набрались этой философии? А то смотрите, как бы мы вас за меньшевизм не потянули». А потом вдруг говорит: «У вас дочь во Франции, в Ницце. Почему бы вам к ней не поехать?» Я, признаться, онемел. Потом думаю: а ведь они не шутят. И в самом деле, что мне на шее у Ветошкина сидеть?

– Значит, едете? – в изумлении спросил Якушев.

– Вот к генералу пришел посоветоваться. Он умница.

– Что же вас держит?

Князь долго молчал, потом поднял старческие, еще зоркие глаза и вздохнул:

– Россия. Я все еще живу в Зарайске. Утром, на рассвете, выхожу в садик. Морозец, снег скрипит, надо мной наше небо. С детства привычное, русское небо. Ну, допустим, там, в Ницце, око ярче, светлее... пальмы, море... Зять мой – француз, граф де ла Нуа. Метит в послы. И в доме, наверно, эти соотечественники, желтые кирасиры... И кончится все это чем? Склеп на горе, на кладбище под Ниццей. А все мои деды, прадеды, все спят в русской земле. И мне бы к ним, последнему русскому потомку удельных князей Тверских...

– Резонно, – сказал Потапов.

У Якушева запершило в горле, он хотел что-то сказать, но так и не смог. Пожал маленькую сухую руку князя, обнял Потапова и побежал по аллее, к выходу из парка.

– Что это с ним?

– Что-то происходит... Ну, так как же, князь?.. Простите, это я по старой памяти, как же, Сергей Валерьянович? Помните, я к вам ездил в Алексеевку, на уток? Это еще до вашего толстовства... – И они говорили бы еще долго, но тут за Потаповым прибежала сестра, настал обеденный час.

Как-то спустя некоторое время, когда Потапов с Якушевым стали часто видеться по общему делу, Александр Алек-

сандрович спросил его о князе Тверском.

– А он приказал долго жить... Мне Ветошкин звонил, угас, говорит, его сиятельство, во сне помер. Схоронили его там же, в Зарайске. Интересная фигура. Кого только не рожала матушка Россия!

– Интересная... Он ведь сыграл некоторую роль в моей жизни, хоть видел я его только раз, у вас в госпитале. Как-нибудь я расскажу, Николай Михайлович.

Но так и не собрался рассказать.

Где бы ни был Якушев, на службе или дома, его тревожила одна мысль: Любский – кличка камергера Ртищева, влиятельного члена Политического совета МОЦР. Что делать? Прятаться от него или идти напролом? Но странно, что со времени освобождения Якушева не было телефонных звонков от Любского. Что это означало? Или, узнав о болезни, Любский и другие решили оставить Якушева в покое, или уже началась ликвидация МОЦР – результат его показаний?

«Отвяжутся», – успокаивал себя Якушев и понимал, что «они» не отвяжутся. Неделю спустя в одиннадцатом часу вечера, когда Якушев гулял с Бумом на бульваре, навстречу ему поднялась знакомая фигура. Это был Ртищев.

– Рад вас видеть здоровым и невредимым, – протягивая костлявую руку, сказал он. – Вот уж не вовремя вздумали болеть... Прогуливаете собачку? Какой чудесный фокстерьер!

Якушев хотел уловить в тоне Ртищева иронию или нотку подозрения, но тот говорил, как всегда, внушительно и с сознанием собственного достоинства.

– Еле выжил... – сказал Якушев. – Ну как вы, что у вас?

– Все в лучшем виде... Ждем вас, нашего неутомимого, энергичного Александра Александровича... Как это все-таки угораздило вас сразу махнуть в Сибирь? Это после заграницы, после Швеции и Ревеля?

Якушев насторожился.

– Вот как получилось: приехал, пришел к начальству, а мне суют командировку, билет до Иркутска, и в тот же вечер я уехал, даже отчет не успел сдать... А там, в Иркутске, подхватил тиф. Так что о ревельских делах мы даже с вами как следует не поговорили.

– Поговорим, дорогой мой, поговорим... Теперь о главном: мы желаем, чтобы вы... – Ртищев оглянулся и убедился, что никого нет поблизости, – чтобы вы возглавили одну сильную группу, она возникла, пока вас не было в Москве. Мы, то есть Политический совет, придаем ей особое значение. Вам в ближайшие дни позвонит человек, пароль – предложение об обмене фортепьяно фабрики «Мюльбах»... Вам надлежит встретиться.

Якушев плохо слушал остальное, он напряженно думал об одном и том же: «Нет, не отвяжутся... не отвяжутся...» Надо было что-то отвечать, но, на его счастье, послышались голоса, брэнчание мандолины, на бульваре появилась шумная компания, он пожал холодную руку Ртищева и пробормотал первое, что пришло в голову:

– Разумеется, разумеется, – потянул за поводок Бума и быстро зашагал к дому.

Эта ночь напомнила ему ночи в камере тюрьмы, он не сомкнул глаз, ругал себя за то, что сразу не сказал Ртищеву: «Оставьте меня в покое...» Можно было сослаться на болезнь. Но вот что странно. Где результат его показаний? Все

пока на месте, Политический совет МОЦР действует! Возникают новые группы. Артузов был прав: можно ли быть просто лояльным в такой ситуации? Он решил позвонить Артузову, но в девять часов утра раздался телефонный звонок, чей-то голос с легким акцентом произнес:

– Вы, кажется, имели желание обменять ваше фортепьяно на рояль?

– Да, на рояль кабинетный. Фабрики «Мюльбах».

– В таком случае угодно вам встретиться... скажем, в сквере у Большого театра завтра. Время зависит от вас.

– Я могу около четырех часов.

– Превосходно...

– А как я вас узнаю?

– Не извольте беспокоиться. Я знаю вас в лицо.

– А... значит, до завтра.

Якушев положил трубку на рычаг и долго сидел в мучительном раздумье. Было десять часов утра, когда он позвонил Артузову и рассказал ему об этом телефонном звонке.

– Почему бы вам не пойти... – ответил Артузов, – раз вы согласились встретиться с этим человеком. Если вы не придете, это их встревожит, пока вы у них вне подозрений. Нам бы не хотелось, чтобы вам угрожала опасность со стороны ваших бывших друзей.

«Значит, из моих показаний пока не сделано выводов, – подумал Якушев. – Интересно знать, что это за «сильная» группа». Якушев отличался точностью. Четыре часа. Он про-

гуливался в сквере около десяти минут, когда с ним почти столкнулся человек в бекеше с серой каракулевой выпушкой и начищенных до зеркального блеска сапогах. Извинившись, сказал:

– Я от Любского. Присядем на минуту.

Они присели на скамью, убедившись, что никого нет поблизости.

– Для вас моя фамилия Стауниц Эдуард Оттович, для других – Опперпут, Селянинов, Упельниц и так далее... Смотря по обстоятельствам.

– Я думаю, что здесь не место для такого разговора.

– Разумеется. Как вы относитесь к кавказской кухне?

– Странный вопрос... Если барашек карачаевский, что может быть лучше.

– И бутылка кахетинского? Дары солнечной Грузии?

– Прекрасно.

– В таком случае – прошу...

Они шли в сторону Охотного ряда, миновали Дом Союзов. В то время здесь не было и в помине монументального дома Совета Министров, а стояли только два убогих одноэтажных здания, лавки, торгующие мелкой галантереей. В щели между стеной церкви Параскевы-Пятницы и ветхим старым домом гнездилась шашлычная без вывески.

– Это здесь?

– Здесь. Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Все принято во внимание в смысле конспирации.

Они вошли. Им ударил в нос запах баранины, жаренной на вертеле, и еще другой запах свидетельствовал о том, что здесь пробавлялись не кахетинским, а чем-то более существенным – разведенным водицей спиртом. Сквозь пелену табачного дыма виднелись люди за столиками, была такая теснота, что, казалось, ступить было некуда, а не то, что сесть.

– Не извольте беспокоиться... Шалико!

И действительно, через минуту они оказались в глубине коридора, в довольно чистом чуланчике, освещенном окошком, выходящим во двор. В чуланчике стол, накрытый бумагой, и два стула. Гомон, говор посетителей шашлычной доносились сюда едва слышно. В щель приоткрытой двери просунулась усатая голова, и чья-то не очень чистая рука поставила на стол приборы, стаканы и бутылку.

– Как обычно, – сказал Стауниц, и голова исчезла. – Предпочитаю это заведение. У меня наилучшие отношения с хозяином, как вы изволили заметить. Шашлык отличный, вы в этом убедитесь, а главное, можно спокойно поговорить. В случае необходимости открывается окно – и испаряешься тихо и бесследно.

– Слушаю вас.

– Мои петроградские друзья, связанные с известным вам Юрием Александровичем Артамоновым, поручили мне от его имени выяснить, чем объясняется столь длительное ваше молчание, после того как все было договорено?

– Все ли? Не прикажете ли переписываться, прибегая к обычной почте?

– Понимаю. И других причин нет?

– Были. Я был в длительной командировке в Иркутске и там имел несчастье заболеть. Тиф.

– А... Тогда понятно.

– Они, в Ревеле, обещали мне наладить прямую связь с Москвой.

– Ртищев, то есть Любский, говорил, что вас ожидают в Ревеле с отчетом о том, что удалось сделать.

– Ртищев. Знаю. Но ведь дело в том, что моя командировка за границу зависит не от меня. Что касается Петрограда, то это мне легче. Вы были там недавно. Что там?

– Были провалы, как вы знаете... Однако сейчас, я бы сказал, все снова оживилось, так же как, впрочем, и в Москве.

Послышались шаги. Стауниц открыл дверь. Просунулась та же усатая голова, и рука поставила на стол блюдо с дымящимся шашлыком.

Якушев потянул носом:

– Аппетитно... Если судить по запаху.

– Прошу, – наливая вино, сказал Стауниц. – Мы успеем поговорить.

Некоторое время оба молча ели и чокались, запивая вином.

– После шестнадцатого года, после Пятигорска, я впервые ем такую прелесть.

– Правда?.. Так вот, ваше превосходительство. Все это хорошо: Петроград, Москва, Нижний, Ростов-на-Дону... Но все это разрознено, и притом связь с закордонными организациями очень слаба.

– Вы абсолютно правы.

– Насколько я понял Ртищева, предполагается объединение всех, говоря большевистским языком, ячеек вокруг МОЦР на строго монархической основе, чтобы не пахло ни кадетским духом, ни эсеровщиной! Самодержавие и военная диктатура.

Стауниц метнул взгляд в сторону Якушева. Тот молчал.

– Эсеровщиной я сам сыт по горло. Я ведь из-за них попался и имел удовольствие отсидеть в одиночке в ожидании... – И Стауниц слегка щелкнул себя в висок. – Меня спасла отмена смертной казни в двадцатом году, и я получил всего-навсего лагерь до окончания гражданской войны. И вот, как видите, я на свободе, занимаюсь коммерцией и еще кое-чем. А ведь я брал уроки конспирации у самого Бориса Викторовича...

– У кого?

– У Савинкова.

– Вы, значит, из этих... из эсеров?

– Нет, я не из «этих»... В той буре, которую мы переживали, людей вроде меня бросало как щепку. Я все испытал, после того как четверо суток блевал на поганом греческом пароходишке по пути из Севастополя в Стамбул. Испытал и ту-

рецкий тюремный клоповник-каракол, и румынскую тюрьму. В конце концов в Берлине меня подобрал Савинков, я оказался для него подходящим субъектом.

Якушев поморщился:

– Этот человек возбуждает во мне отвращение. Убивал министров, губернаторов, а вешали за это других, простых исполнителей.

– Видите ли, он не трус. При этом может быть обаятельным, пленительным, может вас очаровать, пока вы ему нужны. А когда вас зацапают, он и не чихнет. Будет читать декадентские стихи, он ведь мнит себя литератором. Широкая натура, игрок, швыряет деньги, когда есть. До революции, говорят, проиграл пятнадцать тысяч золотом партийных денег в Монте-Карло. В Париже – всегда скачки, женщины...

– Вы с ним коротко знакомы?

– Как сказать... Жил с ним месяц в Берлине, в отеле «Адлон». Роскошная жизнь. При нем секретарь, жена секретаря для интимных услуг. Каждый вечер – дансинг, шампанское, марафет, если угодно. А утром – штаб: полковники, ротмистры, бандиты со светскими замашками и французским языком и эти долгогривые эсеры... все цвета радуги – от монархистов до эсеров-максималистов. А вечером опять шампанское и дамы... Марка летит вниз, а Борису Викторовичу хоть бы что, у него фунты стерлингов. А потом для меня кончилось вот чем: грязная изба в Полесье, спишь на полу с бандитами, палец на курке маузера; ползешь по грязи

через границу, ждешь пулю в лоб, не то пограничники прикончат, не то бандиты, чтобы поживиться...

– Дальше?

– Дальше, если повезет, заберешься в трущобу под Минском... Холод, грязь, кровь... В конце концов вышло так: все хорошо, пришел на явку, все знаки на месте, милости просим, стучишь, тебе открывают – и ты испекся. Везут в Москву, там допрос, пойман с оружием, был в банде, савинковец, расстрел обеспечен... Сидишь во «внутренней» и представляешь себе: в этот самый час в Париже Борис Викторович с донной Пепитой сидят себе в «Табарэне», попивают «Кордон руж», а вместо меня другой дурак ползет на брюхе по грязи через границу. И для чего? Чтобы поджечь хату сельсовета или подстрелить секретаря комячейки. А крестьяне обложат его и выловят в лесу, как волка...

– Значит, разочарование?..

– Да, в методах.

– Перспектива не из приятных. А дальше?

– Дальше вы знаете. Чудом выкарабкался. А тут нэп. Я кое-что понимаю в коммерции. Увлёкся делами, нашел компаньонов. Женился на хорошенькой девице. Но, знаете, не по моему характеру. Богатства не наживу – я не Кушаков, у меня капитала нет. И вот стал размышлять. И пришел к выводу: надо делать ставку на внутренний переворот.

– Интересно. И что же?

– Нащупал людей. Из бывших. Один чиновник департа-

мента полиции, затем еще подходящие экземпляры, и, в общем, есть группа, семь человек, нет только денег. Я за этим и в Петроград ездил. У них есть некоторые виды. Иностранцы через Коковцова обещали. У меня большая надежда на вас, Александр Александрович.

– Если в смысле денег, то я вас должен разочаровать. А потом, самое главное: цель. Какая у вашей группы цель? Неужели... что-то вроде «Союза защиты родины и свободы»?

– К чертовой матери! Никакой савинковщины! Его императорское величество, законный император. Только на это еще можно ставить.

– Все разделяют эти верноподданнические чувства?

– Могу сказать. Все. Даже, пусть вам не покажется странным, один краском. Настоящий.

Якушев удивился:

– Что вы такое говорите?

– Я вас понимаю. Но не все же среди большевиков – кремень и железо. Чекистам, например, ничего не нужно для себя: ест хлеб с соломой, запивает морковным чаем, не спит по ночам, главное для него – идея, революция. Но есть такие «товарищи», которых нэп, так сказать, расшатал. Вот такие нам нужны. Я вам покажу: красавец, герой, конник, командовал полком. Из простых. Учится на каких-то военных курсах.

– И вошел в вашу группу?

– Отца-старосту расстреляли на Тамбовщине. Хату сожгли. Жить хочется. Все это шито-крыто. Я к нему со всех сторон подходил. Вы представляете себе: кончит курс – дадут ему бригаду, дивизию...

– Все это очень интересно. Очень. Надо будет приглядеться к вашим людям. Только без всяких собраний, надеюсь.

– Да что вы... Какие собрания. Я снял на Болоте склад, под товары. Вы увидите, как удобно... Там кого и что хочешь спрячешь. И сторож у меня... Кто бы вы думали? Чиновник департамента полиции. Коллежский ассессор.

– Это так неожиданно, так чудесно, просто не верится...

– Все доложено штабу МОЦР, извините за большевистское сокращение, – штабу Монархической организации центральной России. Угодно вашему превосходительству познакомиться с людьми?

– Разве только с этим... краскомом. Этот, как вы понимаете, представляет особый интерес.

– Отлично. Разрешите на днях сообщить, где и когда...

Стауниц открыл дверь и крикнул:

– Шалико! Счет!

Ему подали счет. Якушев полюбопытствовал и увидел семизначную цифру.

– С чаевыми около шести миллионов. Вернее, ровно шесть. Все мы нынче миллионеры, ваше превосходительство.

Они вышли на улицу. Уже стемнело. Стауниц кивнул и

пропал в темноте. Улицы почти не освещались. Якушев шел не торопясь, в тяжелом раздумье. «Нет, они не утомонились». Представил себе лицо Стауница, его злую усмешку, его злые глаза и крепкие белые зубы, которыми он разрывал розовое мясо барашка. «Волк, – подумал Якушев, – настоящий волк. Они не оставят меня в покое».

Якушев решил написать Артузову, просил принять его по важному делу и отдал письмо в окошко бюро пропусков. В тот же день вечером позвонил Артузов и сказал, что ждет его к одиннадцати часам вечера. Пропуск будет заказан. Без четверти одиннадцать Якушев был у Артузова. Тот сказал:

– Через пять минут вас примет Дзержинский.

Нетрудно догадаться, что переживал в эти пять минут Якушев. Дзержинского он видел тогда, после очной ставки с Варварой Страшкевич, несколько минут. Якушев в тот момент был так ошеломлен, так потрясен, что появление Дзержинского помнил смутно. А теперь ему предстоял разговор с этим человеком, имя которого внушало панический страх белым. Говорили о нем как о безжалостном, жестоком и неумолимом противнике, называли «красный Торквемада», и сам Якушев ужаснулся, думая о том, чем может кончиться его встреча с Дзержинским. Может быть, пересмотром его дела и гибелью? Якушев страшился этого свидания, хотя он ничего не утаил на последнем допросе.

Вместе с тем пробуждалось странное чувство любопытства. До революции Якушев никогда не встречался с революционерами, после революции ему приходилось беседовать с Красиным, Керженцевым, но это были чисто деловые беседы, в особенности с Красиным. Якушев не мог не признать,

что эти люди меньше всего думали о своем личном положении, о карьере, как прежние сановники. Дзержинский теперь народный комиссар путей сообщения и по-прежнему борется с контрреволюцией. Он остался тем же страшным противником белого движения, как и в первые дни революции...

Пять минут прошли. Якушев не помнил, как они миновали коридор третьего этажа, прошли комнату, где сидели за столами какие-то люди, перед ним открылась дверь в другую комнату, и в нескольких шагах от него, у стола, стоял человек, перелистывая бумаги в папке. Он положил папку, поднял голову. Это был Дзержинский.

– Садитесь... Не удивляйтесь, что я вас принял в такой поздний час. К сожалению, не мог найти другого времени.

– Очень признателен... Поверьте, я не ожидал встречи с вами. Я полагал, что мне уделит время ваш сотрудник. Положение складывается так, что выпутаться из него собственными силами я не могу...

– Попробуем вам помочь, – сказал Дзержинский, подвинул стул к Якушеву и сел. – Что же с вами произошло?

– Еще не произошло, но может произойти.

Якушев всегда говорил ясно и не искал слов, но теперь он, запинаясь и волнуясь, рассказал о встрече на бульваре с Ртищевым и о своем свидании с Стауницем.

– Мне казалось, что я смогу дать им понять, что уйду из их организации навсегда.

– Это оказалось невозможным?

– Да. Я немедленно вызвал бы подозрения, я слишком много знал, и эти, особенно Стауниц, не остановились бы перед убийством.

– Это – волки. Они вас в покое не оставят.

Дзержинский задумался.

– Конечно, наша обязанность вас защитить. Но как? Есть два пути: первый – дать вам возможность уехать далеко, куда-нибудь в провинцию. Но вы для них фигура, и они будут встревожены. А тревожить их сейчас не время. Ликвидация МОЦР дело будущего. Второй путь...

Дзержинский снова умолк, встал, отошел в сторону, и на этот раз его молчание было довольно долгим.

– Вы решили стать добросовестным советским служащим? Вас это вполне удовлетворяет? Вас, человека, который любит свою родину, человека острого ума, твердого характера и решимости. Такие работники нам нужны, я уважаю их, они отдают свои силы восстановлению народного хозяйства.

– Я знаю, мне говорили сотрудники Наркомпути.

– Но вы обладаете способностями и некоторыми данными, которые могут принести пользу государству в еще более важной области. Не будет ли правильнее дать вам трудиться в области укрепления безопасности нашего государства, в защите его от покушений со стороны злейших врагов? Подумайте, о чем я говорю.

Теперь Якушев молчал. Он был поражен; неужели это Дзержинский, тот, о котором рассказывали ужасы? Он гово-

рил убедительно и выражался точно, но тон его разговора был мягкий, деликатный, в его вдумчивой речи была простота и вместе с тем задушевность.

– Я понимаю, – продолжал Дзержинский, – вы родились и росли в той среде, которая твердо верила в незыблемость монархического строя, вам внушали с детства, что вы будете управлять покорным народом, а вами будет управлять монарх. Только наиболее разумные из вашей среды понимали, что этот строй обречен. И когда он рухнул, они не без раздумья перешли на сторону народа... Кстати, вы в одном вашем показании упомянули бывшего генерала Николая Михайловича Потапова. Он был начальником одного из главных управлений генерального штаба царской армии, близок ко двору и хорошо известен царю. Но именно потому, что он был близок к этим людям, он видел их ничтожество и низость.

– Я не был в его положении и был далек от двора.

– Я заговорил о Николае Михайловиче Потапове потому, что он сыграл некоторую роль в вашей жизни. Он посоветовал вам бросить саботажничать и идти честно работать, честно, как должен работать советский специалист. Хорошо же вы отплатили ему за добрый совет! Вы пошли к нам работать, но это была маскировка, вам под маской советского работника легче было творить контрреволюционное, черное дело... Но все это в прошлом. Мы верим, что вы теперь думаете по-другому и поняли смысл истинного патриотизма.

Дзержинский, видимо, устал. Он вытер платком лоб и говорил, уже не глядя на Якушева:

– Патриотизм... Ради чего десятки, сотни тысяч людей отдают свою жизнь, переносят тяжкие испытания, голод, болезни? Ради счастья, грядущего счастья своей родины. Но не только ради своей родины – ради счастья человечества. Я поляк, сын польского народа, но я интернационалист, я сражаюсь на баррикадах той страны, где развевается красное знамя единственной на нашей планете страны социализма. Наши враги называют меня фанатиком. Вы тоже считаете меня фанатиком?

Якушев вздрогнул. Именно об этом он подумал сейчас.

– Нет, мы не фанатики. Мы убеждены в том, что правы основоположники нашего учения: социалистическая революция победит. Мы боролись с сильным и хитрым, имеющим полицейский опыт врагом. Департамент полиции, отдельный корпус жандармов, эти наследники третьего отделения – бенкендорфов и дубельтов, – были опасными врагами. Среди них были такие мастера провокаций, как Климович, Белецкий и другие. Кстати, первый еще жив и состоит шефом разведки у Врангеля. Да, эти господа многое знали, но не все. Они действовали очень тонко. Я это знаю по собственному опыту. Не сосчитать, сколько раз меня допрашивали. Царской полиции помогала германская, французская и английская тайная полиция, весь еще не расшатанный государственный аппарат царизма. Годами держали революцио-

неров в каторжных тюрьмах. Я говорю не о себе, хотя знаю, что такое царская каторга и что значит ходить, работать и спать в кандалах. Я знаю, глупцы говорят, будто бы я хочу мстить за мои прежние страдания. Это ложь. Мы вынуждены были карать смертью врагов революции. После разгрома Деникина отменили смертную казнь. Как ответили на это белые? Заговорами и убийствами. Мы принуждены были восстановить высшую меру наказания. Борется с врагами советской власти не только Чека. Борется с ними народ, весь народ. В этом наша сила.

Дзержинский продолжал со всей страстностью:

– Мы победили белогвардейцев и интервентов. Мы, революционный народ! Неужели после всех жертв, после всех страданий, испытаний этот народ отдаст власть, завоеванную с такими жертвами? Нет и нет!

Он подошел к столу, взял папку, которую держал в начале разговора, и положил перед Якушевым:

– Здесь вы найдете письма... Их очень много, я выбрал только те, что мы получили недавно. Люди нам пишут. Одни выражают сердечную благодарность за то, что мы по мере наших сил защищаем советский строй от притаившихся врагов, другие стремятся помочь нам в работе, предостеречь от ошибок, направить на верный путь... Это письма труженников, рабочих, бедняков крестьян, учителей, пишут вдовы и матери красноармейцев, потерявшие родных на фронтах гражданской войны. Есть люди, которые своими глазами ви-

дели, как мучили, пытали, били шомполами, выжигали звезды на теле живых пленных красноармейцев... И кто это делал? Образованные господа офицеры, цвет, так сказать, царской гвардии... И вот об этих зверствах рассказывают в своих письмах свидетели, они понимают, что несет с собой новый поход белых, новая интервенция или контрреволюционный мятеж.

Якушев молча брал письмо за письмом, на коричневой оберточной бумаге, на обороте обоев, на клочках. Это были волнующие человеческие документы. Писали малограмотные люди, но в кривых строчках, в больших, старательно выписанных буквах, в каждом слове были искренность и выстраданная правда, сокровенные чувства народа.

Дзержинский сидел откинувшись, полузакрыв глаза. Потом протянул руку и взял часть писем.

– Слушайте, Александр Александрович! В своих показаниях вы откровенно рассказали о деятельности контрреволюционной организации, которой руководил ваш штаб, или Политический совет МОЦР, как вы его называли. В Петрограде, Киеве, Ростове-на-Дону, на Северном Кавказе этот совет организовывал террористов, диверсантов, шпионов, сторонников Врангеля, Николая Николаевича. Лично вам я не могу отказать в смелости и решительности, вы проявляли мужество отчаяния. Но никто не может быть героем, когда идет против своего народа. Помнится, это сказал Виктор Гюго. Мужество, истинный героизм в том, чтобы идти с наро-

дом, с теми, кто защищает государство рабочих и крестьян... Вы в своих показаниях откровенно назвали тех, кого завербовали, сделали членами преступной монархической организации. Среди них есть люди, не окончательно погибшие для своей родины, люди, которые колеблются, сомневаются, задают себе вопрос: зачем мы связали свою судьбу с судьбой врагов революции? И что же, вы, Якушев, не чувствуете своей вины перед теми, кого вели на гибель, бросите их и вас не будет мучить совесть? Подумайте об этом. Вы должны помочь нам разобраться в том, кто из этих людей окончательно погиб и кто может еще стать честным гражданином своей страны. Вот ваш долг. Не поздно еще повлиять на тех, кого можно спасти, открыть им глаза, чтобы нам не пришлось их карать. Подумайте вот о чем: мы хотим не только карать, но и перевоспитывать тех, в ком есть крупинка совести. Если вы сумеете убедить хоть одного из них стать честным советским гражданином, мы будем вам благодарны. Если вы поможете нам обезвредить неисправимого врага – это будет большой вашей заслугой. Вы писали в своих показаниях, что навсегда отказываетесь от политической деятельности. А я призываю вас к тому, чтобы вы вернулись к политической деятельности. Но не по ту, а по эту сторону баррикады. Вы сделали один шаг, надо сделать следующий. Я думаю, что вы поняли – нельзя оставаться нейтральным, между двух лагерей. Вы должны встать на защиту родины, активно оберегать ее от злейших врагов, от интервентов, контрреволюционеров,

террористов и шпионов. Вы должны бороться не на жизнь, а на смерть с вашими бывшими единомышленниками. Это значит, надо играть роль прежнего Якушева – монархиста, контрреволюционера, заговорщика – и в то же время вместе с нами обсуждать меры, как вскрыть заграничные связи монархистов, парализовать попытки МОЦР вредить народу, взять под контроль действия этих озверелых врагов родины. Вы понимаете, о чем я говорю?.. Знаю, вам трудно ответить сейчас, сию минуту. Было бы странным, если бы вы не обдумали это мое предложение. Мы ждем ответа... Это и есть тот второй путь, о котором я вам говорил в начале нашего разговора. Это выход из положения, в котором вы очутились.

На этом кончился разговор с Дзержинским. Он продолжался почти три часа. Якушев видел, чего стоил Дзержинскому этот разговор. Усталость проступала на его лице.

«На плечах этого человека лежит сверхчеловеческий труд», – подумал Якушев. Он знал, что Дзержинский совмещал работу в ОГПУ с деятельностью на транспорте. Недавно он вернулся из Сибири. Дзержинский возглавил комиссию по восстановлению сибирского транспорта. И это было особенно важно в 1922 году. «Железный Феликс» доложил Центральному Комитету партии о политическом положении в Сибири и о состоянии сибирского транспорта. Готовилась важная реформа управления путями сообщения. В то же время руководитель органов государственной безопасности нашел возможным уделить три часа ему, Якушеву, на-

деясь превратить бывшего контрреволюционера в сторонника советской власти и активного борца с контрреволюцией. «Я нужен родине. И я должен служить ей честно, не так, как служил ей в прошлом», – решил Якушев.

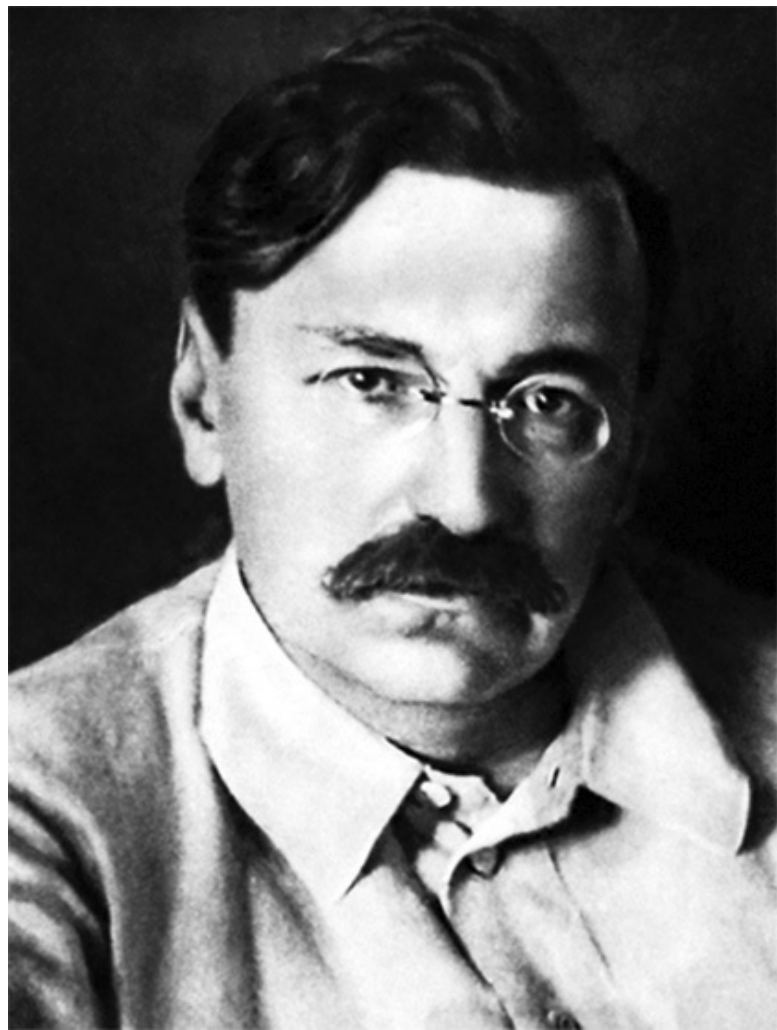
В ту весну, в апреле 1922 года, кажется, не было дома в Москве, где не говорили бы о конференции в Генуе. Думается, так было во всей России. Одни надеялись на успех конференции и думали, что жить станет легче, исчезнет опасность новой интервенции, другие, враги, злобно ругали Антанту, которая вздумала разговаривать «на равных» с большевиками, вместо того чтобы напасть на Советскую Россию.

Дзержинский в своем кабинете, в доме на Лубянской площади, перечитывал речь Чичерина на первом пленарном заседании конференции. Он узнавал мысли Ленина, руку Ленина. В те дни, когда на Политбюро обсуждали, какой политической линии держаться в Генуе, Дзержинский был еще в Сибири и писал: «Сибирский хлеб и семена для весеннего сева – это наше спасение и наша опора в Генуе».

Теперь он читал, вникая в каждое слово речи Чичерина: «Установление всеобщего мира должно быть проведено, по нашему мнению, всемирным конгрессом, созванным на основе полного равенства всех народов и признания за всеми права распоряжаться своей собственной судьбой».

Дзержинский понимал: много воды утечет, пока западные державы признают право Советской республики распоряжаться своей судьбой. Разговаривая в Генуе, они в то же время поддерживают заговоры внутри Советской страны,

поддерживают и белоэмигрантские организации. Это было хорошо известно Дзержинскому, и все-таки он считал полезным, что Чичерин полным голосом заговорил об установлении всеобщего мира на основе полного равенства всех народов.

Позвонил телефон из Кремля. Дзержинский взял трубку и услышал:

– Ну, с весной вас... Признаться, надоела зима? А?

Он узнал голос Ленина, который отличил бы от тысячи других голосов.

– Теперь поговорим о политической погоде. Чичерин хорошо сделал, когда повторил слова итальянца: «Здесь нет ни победителей, ни побежденных...» Но я не убежден в том, что наши делегаты в полной безопасности в Генуе, как вы полагаете?

– Вы правы, Владимир Ильич. Покушение возможно. Меры предосторожности и охраны со стороны хозяев страны очень сомнительны. Наши рабочие знали это, когда не хотели отпускать вас в Геную. По нашим сведениям, наблюдается оживление деятельности белой эмиграции, в особенности монархических группировок...

– Это понятно, они думали, что нэп – признак нашей слабости, и разочарованы.

– Мы следуем вашим советам, Владимир Ильич; и пока стараемся глубже проникнуть в их планы. У меня, например, была долгая беседа с одним бывшим монархистом Якушевым. Он теперь полностью на стороне советской власти и может принести нам пользу. В прошлом занимал довольно видное положение... Говорит, что сейчас эти господа в поис-

ках денег. Иностранцы после всех разочарований не слишком щедры, хотя очень старается Коковцов...

– Коковцов? Финансист? Ученик Витте... Кстати, о курсе, какой сегодня курс? В январе золотой рубль стоил двести восемьдесят восемь тысяч бумажных рублей, а сегодня перешел за миллион... Эту проблему надо решать... И конечно, не как Витте и Коковцов... Я позвонил вам вот почему: товарищ Серго поставил вопрос о грузинских меньшевиках. Вы их держите в тюрьме?

– Да. В Тифлисе и в Потти.

– Серго бомбардируют письмами родственники. А что, если мы господ меньшевиков вышлем за границу?

– За границу? Меньшевиков?

– Да. Они будут там нас ругать, но, пока мы их держим в тюрьме, их коллеги из Второго Интернационала на этом спекулируют в своих странах. А когда меньшевики появятся на Западе и начнут ругать нас, они еще больше скомпрометируют себя в глазах рабочих. Пусть едут.

– А дадут ли им визы французы? У нас с Францией нет дипломатических отношений. Впрочем, может быть... через Красный Крест.

– Как? Мы еще будем заботиться о меньшевиках? Пусть сами достают себе визы!

– Для этого их надо доставить в Москву.

– Доставим. Пусть хлопочут через польскую миссию.

– Пустить их гулять по Москве?

– Пусть гуляют! Вот они потолкаются в прихожей у польского посла, поведут их за нос французы – они понюхают их свободу...

Ленин засмеялся так весело, что Дзержинский тоже не мог сдержать улыбку.

На этом кончился разговор. Дзержинский положил трубку и задумался: какую жизнь прожил Ленин – кампания за кампанией, вечная борьба, основание партии большевиков, революция 1905 года, борьба против империалистической войны, против оборонцев, апрель 1917 года – «Апрельские тезисы» и первые слова на вокзале: «Да здравствует социалистическая революция!», борьба с колеблющимися, а далее – Октябрь и провозглашение советской власти. Брестский мир и снова борьба с противниками мира, гражданская война и поворот к нэпу... Это все легко пересказать, но какие силы, какую волю и решимость надо иметь, чтобы все это вынести на своих плечах... И что еще впереди?

А в эти минуты Ленин думал о Дзержинском и велел позвонить Обуху, спросить, что говорят врачи по поводу здоровья Дзержинского, нельзя ли дать ему две недели отдыха. Одиннадцать лет тюрьмы, каторга и такая адская работа. Надо настаивать на отдыхе, хотя бы двухнедельном.

О чем бы ни думал Якушев, он возвращался к разговору, который произошел в кабинете Дзержинского. Сослуживцы, жена и дети заметили, что, всегда внимательный, очень точный во всем, что делал и говорил, он отвечает невпопад, а то и оставляет вопросы без ответа. Дома он запирался в своей комнате, часами неподвижно сидел, устремив взгляд в одну точку: Якушев спорил с собой.

«Если я люблю свой народ, то как я мог быть заодно с этими зубрами, которые о народе говорят не иначе как «хамье», «быдло», серьезно обсуждают, сколько десятков, сотен тысяч крестьян, рабочих придется скосить пулеметами. И все, чтобы вновь вступил на престол «всепресветлейший», «вседержавнейший» государь император Николай Третий или Кирилл Первый. Правда, были исключения. Вот, например, старый князь Тверской: не хотел нового царя, принял утрату своего титула и поместья как должное, отказался уехать за границу и умер на родине. Впрочем, много ли таких было?..» Политический совет МОЦР иногда называл себя «звездной палатой». Он вспомнил тайное совещание бывших воспитанников лицея в 1919 году. Это было празднование лицейской годовщины. Лицей! Но разве они гордились Пушкиным, великим поэтом России, воспитанником лицея? Они гордились канцлером Горчаковым, сановниками и придвор-

ными, которые тоже вышли из стен лица. И никто никогда не назвал имен декабристов Пущина и Кюхельбекера, товарищей Пушкина по лицу.

Но больше всего Якушев думал о тех, кто, неизвестно почему, оказались участниками монархической группы. Вспомнился Градов, видный московский адвокат, либерал, защищавший революционеров на процессах. Его втянули в группу «испытуемых», и он взял на себя добывание денег для монархической организации. «А что, если попытаться помочь старику, сказать о ненужности его участия в делах МОЦР», – подумал Якушев. И вскоре случай помог ему выполнить это решение.

Был выходной день, жена и две маленькие дочки ушли в цирк, сын Саша остался дома, готовил уроки. Справившись с арифметическими задачами, он заглянул в комнату к отцу и робко сказал:

- Ты обещал...
- Что? Ах да... В другой раз.
- Ну тогда в «Густые сливки».

Так называлось кафе в Столешниковом переулке. В витрине этого кафе была завлекательная надпись: «Нас посещают дети кушать сливки».

«Надо угостить мальчика и отвлечься немного», – подумал Якушев.

- Одевайся. Пойдем.

Они шли по улицам Москвы, все вокруг интересовало

мальчика – автомобиль с надписью «Прокат» в желтом кружке, цыганка, привязавшаяся к отцу: «Позолоти ручку – погадаю». Мальчик читал вслух вывеску: «Зубной врач Вильгельмсон. Прием с 10 до 2-х».

«Все интересно, когда тебе десять лет», – думал Якушев.

А сын бежал немного впереди. Скоро они дошли до кафе.

В кафе с трудом нашелся свободный столик – всюду сидели мамы или бабушки, девочки и мальчики. Якушев уже собирался устроиться у дверей, когда кто-то его взял за рукав. Он оглянулся и увидел Евгения Христофоровича Градова и маленькую девочку, вероятно, внучку.

– Присаживайтесь, Александр Александрович. От дверей дует.

Немного помедлив, Якушев сел.

– А молодежь сядет против нас. Рядом с Верочкой. Так, молодой человек?

«Молодой человек», то есть Саша, сел рядом с Верочкой. Ей было лет пять, не более.

– Внучка? – спросил Якушев.

– Внучка. У меня трое внучат: Петенька от Лиды, а Верочка и Оленька от Сережи.

Якушев опять подумал: «И этого безобидного старика втянули в шайку извергов и убийц...»

– Евгений Христофорович... – Якушев оглянулся, звенели ложечки, мамы и бабушки занимались собой и своим малолетним потомством. – Евгений Христофорович... Вы

помните беседы у вас в Мамонтовке на даче? И один разговор в дачном поезде... Подождите, Евгений Христофорович! – Якушев видел, что старик изменился в лице и открыл рот, собираясь его прервать. – Подождите... Я прошу считать эти беседы несостоявшимися. Их не было. Их не было, и я и вы должны об этом забыть.

Прошло несколько секунд, пока Градов смог понять, о чем идет речь. Он вдруг просветлел и, чуть не опрокинув стакан, бросился пожимать руку Якушеву. Успокоившись, сел и стал внимательно слушать.

– Евгений Христофорович! Забудьте. Никаких разговоров на эту тему не было, – внушительно повторил Якушев. – И никаких денег у Кушакова на известные вам цели не просите.

– Да я и не просил. По зрелом размышлении я решил воздержаться, зная, что недавно привлечен к работе в Наркомюсте. Работать и держать нож за пазухой не в моих правилах...

– Вы абсолютно правы. На этом мы кончим. Как ваша подагра?

– Беда! Что поделаешь?! Годы...

И они заговорили о другом. «Работать и держать нож за пазухой» – это мне не в бровь, а в глаз. А ведь я так работал. Нет, рвать так рвать...» К вечеру Якушев и Саша возвращались домой.

– Папа, – сказал Саша, – я поиграю во дворе. Можно?

– Иди... Скоро придет мама.

– Будем играть в «красные» и «белые».

– То есть как?

– В войну. Я буду краском, а Витька с того двора – беляк.

– Хорошо...

«Всюду одно и то же... Всяду борьба. Даже у детей».

Якушев позвонил и вдруг вспомнил, что в квартире никого нет. Он достал ключ и вошел в коридор. Навстречу ему бросился Бум, визжа от радости.

Пройдя в кабинет, как был, в пальто, Якушев сел и взял папиросу. На душе стало чуть легче – с Градовым уладилось. Но разве это все? И тут он услышал звонок, слегка тявкнул Бум. Якушев пошел к дверям, открыл дверь и окаменел. В дверях, поглаживая рыжую холеную бородку, стоял Стауниц.

– Вы? – с удивлением сказал Якушев. – Какая неосторожность!

– Не беспокойтесь. Я произвел разведку и установил, что вы один в квартире.

В это мгновение сорвался со своего коврика Бум и с яростью залаял на Стауница.

– Уберите вашего тигра...

Якушев подхватил собаку под мышку и отнес на кухню.

– Странно, – сказал он, проводив Стауница в свою комнату. – Бум никогда никого не трогает, ласковая собачка.

– Возможно. Но этот шум ни к чему.

– Чем обязан? – сухо спросил Якушев. – Полагаю, что дело

неотложное и важное.

– Совершенно верно. Разрешите доложить: помещение на Болотной площади приведено в порядок. Может вместить чуть не сто человек, если понадобится созвать съезд провинциальных групп.

– По поводу съезда мы еще ничего не решили в Политическом совете. Собрать такое количество людей – небезопасно. Кроме того, пока мы не получим помощь из-за границы, средств на организацию съезда монархических групп у нас нет.

– Оборудование помещения обошлось недешево. Ртищев мне говорил, что у вас есть виды...

– Виды есть. Но денег пока нет.

– В связи с этим надо обсудить важный вопрос: об «эксе».

– О чем?

– Об экспроприации. Члены моей группы томятся, требуют активных действий. Предлагают «теракт», то есть террористический акт. Поскольку Политический совет поручил вам руководство нашей «семеркой», мы бы просили вас пожаловать завтра в восемь на Болотную площадь. Пароль: «Я от Селянинова». Отзыв: «Фонтанка, шестнадцать». Позвольте откланяться.

Якушев проводил Стауница. Выпущенный из кухни Бум злобно лаял ему вслед. «Что ж, надо решать...» Он погладил собаку и подумал вслух:

– Ты, оказывается, разбираешься в людях. Впрочем, это

не люди!

И опять перед глазами Якушева возникли Ртищев, Остен-Сакен и многие другие. Нечего сказать – «друзья»! С кем он хотел связать свою судьбу! Кто их союзники – грабители и убийцы!

Он вскочил и пошел было к телефону. Потом остановился. Нет, этого не скажешь по телефону. Якушев взял бумагу и твердым почерком написал:»...сегодня я окончательно убедился в том, что оставаться между двух лагерей мне невозможно. Я готов бороться вместе с вами, бороться на жизнь и смерть с врагами советского народа и прошу вас оказать мне доверие. Я, конечно, явлюсь на очередное собрание так называемого Политического совета МОЦР и «семерки». И отныне все, что там будет происходить, вам будет в точности известно. Надеюсь, у меня хватит сил играть роль прежнего Якушева... Если бы я не явился на совещание Политического совета МОЦР и не присутствовал на собрании «семерки» Стауница, это вызвало бы подозрение в том, что я хочу отойти от МОЦР. Я слишком много знал, чтобы они оставили меня в живых. Я мог поступить иначе: бросить им вызов и заявить, что их политическая программа несбыточна, а кровавые затеи омерзительны, – в этом случае я не ушел бы живым, и это был бы род самоубийства.

Правильнее и честнее всего – всецело перейти на сторону революции, стать верным помощником ГПУ в борьбе с оголтелыми врагами новой России, сохраняя личину преж-

него Якушева, одного из руководителей МОЦР. И я выбираю этот путь».

Письмо прочитал вслух Дзержинский. Был первый час ночи. В его кабинете собрались Артузов, Пилляр, Косинов и Старов, который с тех пор стал держать постоянную связь с Якушевым. Тут же находился и автор письма.

– Товарищи всецело доверяют вам, Александр Александрович, – сказал Дзержинский, – письмо подкреплено фактами. Характеристики всех этих деятелей совпадают с нашими данными. Вы правильно отметили цензовый состав их: крупные землевладельцы, балтийские бароны вроде Нольде и Остен-Сакена, махровые черносотенцы из «Союза Михаила-архангела», бывшие сенаторы, придворные чины, гвардейские ротмистры... Я обращаю ваше внимание на то, что авторитетных военных в штабе МОЦР пока нет. Об этом вы должны поднять вопрос в Политсовете. Для чего? Скажу впоследствии. Не все монархисты – тупоголовые кретины. Среди них есть весьма опасные люди – хитрые и злобные, хотя бы этот Стауниц.

– Мне думается, что Александр Александрович должен взять в свои руки закордонные связи, – сказал Артузов. – Основание такое: благодаря своему служебному положению он может получать командировки за границу и сноситься непосредственно с парижскими и берлинскими зубрами. Надо стремиться к тому, чтобы Якушев стал как бы министром иностранных дел МОЦР...

Дзержинский кивнул.

– Но это в будущем. Ваша задача сейчас заключается в том, чтобы устранить из МОЦР и из «семерки» Стауница наиболее опасных и активных врагов. Постарайтесь умело скомпрометировать их. Вы, честный и бесстрашный руководитель организации, якобы отстаиваете чистоту белого движения и под благовидным предлогом отсекаете от организации авантюристов и проходимцев. Вы будете сообщать нам о том, какие действия предпринимает организация, контролировать ее и предупреждать нас о таких опасностях, как подготовка террористических актов или диверсий. Мы говорили с вами и о том, что надо помочь тем, кто сомневается или колеблется. Они должны отойти от монархистов.

– Я это уже делаю.

– Отлично. Но главная задача, – устраняя из руководства МОЦР опасных людей, стремиться к тому, чтобы на их место в организацию проникали наши люди...

– Военного руководителя мы постараемся подобрать, – сказал до сих пор молчавший Пилляр.

– И еще... Нужно дать условное наименование МОЦР. Это необходимо для связи с эмигрантскими организациями за границей. Внешне оно будет служить щитом для конспирации. Для нас это будет условное название операции в целом. Я предлагаю отныне вашу организацию именовать «Трестом». Об изменении названия сообщите Политсовету и всем «друзьям» за границей. Сейчас это название со-

ответствует времени, оно звучит безобидно. Повторяю, самое важное – это внедрить наших людей в контрреволюционную организацию, сделать ее нашим «Трестом». Не менее важно – уберечь организацию от губительного влияния заграничной контрреволюции. Этого возможно будет добиться под флагом того, что организация хочет вести самостоятельную политику.

На этом кончился разговор. Якушев убедился, что ему доверяют, более того, считают верным боевым товарищем.

Правда, немного удивляло, что никто не обратил внимания на его донесение о «краскоме». Впрочем, Пилляр сказал, что этой личностью займется Особый отдел.

Якушев не торопясь шел по Софийской набережной, иногда останавливаясь, поглядывая на Кремль, на Большой дворец, купола соборов. Над зданием «Судебных установлений», как оно называлось до революции, алел флаг, вспыхивая в лучах заката. В Кремле было тихо, сонно, только изредка мелькал силуэт самокатчика.

Был конец теплого, солнечного дня, и, поглядев со стороны на Якушева, можно было подумать, что человек решил прогуляться после трудового дня. Вблизи бывшей кокоревской гостиницы, теперь общежития, Якушев свернул в переулок и вышел на Болотную площадь.

В те годы площадь была застроена торговыми помещениями, складами и выглядела совсем иначе, чем в наше время. Днем здесь был овощной торг, все вокруг пропахло запахом овощей, овчины, дегтя, трудно было протиснуться между ломовых телег. Но к вечеру площадь пустела. Читая вывески: «Власов и Кочетков», «Товарищество Хлоповых», «Нейман и Марковский», Якушев в одном из дворов двухэтажного старого дома нашел голубую вывеску «Товарищество Флора». Ее трудно было заметить в глубине двора. Почти в ту же минуту, неизвестно откуда, возникла высокая фигура человека в брезентовом балахоне и кожаной фуражке.

– Я от Селянинова.

– Фонтанка, шестнадцать, – ответил человек в балахоне, гремя ключами, отворил дверь, пропустил Якушева. Вспыхнула электрическая лампочка, тускло осветившая помещение, похожее на склад. Да это отчасти и был склад, вдоль стен заваленный мешками, заставленный ящиками. Но в глубине стоял стол, покрытый холстом, поодаль две скамьи и диван, железная печка-буржуйка, от нее коленом под потолком труба.

– Придется подождать. Вы изволили прибыть немного раньше времени. Присаживайтесь, ваше превосходительство.

– Садитесь и вы, – сказал Якушев.

– Мне полагается быть снаружи, но поскольку время не пришло, могу побыть здесь.

– Вы ведь не всегда были на таком амплуа, то есть сторожем?

– С вашего позволения, я коллежский ассессор. Двадцать лет состоял на государственной службе в Петербурге, в департаменте полиции. Кончил в Москве лицей цесаревича Николая.

– Это Катковский?

– Так точно. Наш лицей не очень чтили, учились не одни дворяне, не то что в Петербурге, в Александровском лицее. Потому мы не бойко двигались по службе. Я, например, дослужился до коллежского ассессора, а служил при Плеве, Трусевице, Курлове, Климовиче, Белецком, при Джунковском

тоже служил... Всех пережил.

– Вот почему Фонтанка, шестнадцать!

– Именно поэтому. Вы, ваше превосходительство, знали олсуфьевский особняк на Фонтанке, шестнадцать? На вид он небольшой, два подъезда: первый подъезд – квартира министра внутренних дел, там всегда стоял городской на посту, а другой подъезд – наш, департаментский.

– Проезжал, вероятно, не раз... Но не запомнил. Особняк действительно небольшой. Как же там все умещалось: и квартира министра и департамент полиции?

– А вы не заметили, позади пятиэтажный большой дом пристроен? Вот в том доме и была святая святых – департамент. Я ведь служил в особой политической части, в шестом делопроизводстве.

Кадр из телефильма «Операция «Трест»»

– Любопытно. В качестве кого?

– Дослужился до чиновника особых поручений при вице-директоре департамента. – Он горестно вздохнул: – Какой был порядок! Еще от третьего отделения было заведено... конечно, масштаб у нас побольше...

– Интересно...

– Возьмем, скажем, особую политическую часть, пятое делопроизводство. В нем шесть отделений. Первое – переписка общего характера, второе – эсеры, третье – эсдеки, чет-

вертое – инородческие организации, пятое – разбор шифров и шестое, самое важное, – личный состав, агентура внутренняя и заграничная. Я был по внутренней...

«Как рассказывает, – подумал Якушев, – прямо упиивается. Ишь ведь расцвел...»

– Я высоко ставил Степана Петровича Белецкого, он юрист, кончил университет, нюх у него тонкий. Но предпочитал все-таки Климовича: строгость, ловкость, сила... Говорят, Климович теперь за границей, при Врангеле, по части разведки?

– Да. Я что-то слышал. Вы интересно рассказываете. Много повидали. Впрочем, я думаю, что вас касалось больше бумажное производство.

– О нет, ваше превосходительство. Я был любитель сыска. У нас жандармские офицеры работали, они, знаете, аристократы, притом не из храбрецов. А я по своей охоте занимался сыском. Целую неделю ездил извозчиком номер две тысячи восемьсот семьдесят четыре, сам вызвался, и за это меня особо благодарили. Ну, это я просто как любитель.

– Очень это все интересно... Кстати, как мне вас величать прикажете?

– Как угодно. Скажем, Подушкин Степан Захарович.

– Как же вы все-таки уцелели, Степан Захарович?..

– Чудом. Как раз перед февралем назначили меня полицеймейстером в Керчь. Не доехал. Конечно, все бумаги сжег. У меня всегда паспорт был на другую фамилию. На случай ко-

мандировки, если секретное поручение, это полезно. Долго скрывался у родственников в Туле. Ждал Деникина и не дождался. Словом, эпопея... Однако я пойду. Нас ведь найти нелегко.

Он выскользнул в дверь. Якушев покачал головой. Хорош! Полицейская крыса! Дверь заскрипела, и вошел, вернее, вбежал Стауниц.

– Прошу прощения. Опоздал, надо было оповестить наших, времени мало. Будет Ртищев, вы его знаете, Зубов – это курсант, об остальных скажу позже...

Открывалась дверь, входили люди и усаживались на скамью несколько поодаль. При тусклом свете лампочки трудно было разглядеть лица.

– Кажется, все, – сказал Стауниц. – Господа, нам предстоит выслушать важное сообщение Политического совета.

Не поднимаясь с места, Якушев начал:

– Мы, то есть Политический совет, получили инструкции от Высшего монархического совета из Берлина. Мы не нашли нужным познакомить вас, господа, вашу группу с этими инструкциями. И вот почему: Политический совет считает, что из Берлина нельзя диктовать нам, как поступать. Наши собратья за границей не знают обстановки, они оторваны от России. Нам на месте виднее. Мы сами определим наши задачи и поставим в известность Высший монархический совет о том, какие решения примет предстоящий съезд наших единомышленников – членов Монархической организации

центральной России.

Якушев уловил легкое движение и понял, что его слова приняты одобрительно.

– В связи с созывом съезда возникает очень важный вопрос. Речь идет о средствах. Мы ожидаем от наших соратников за рубежом не указаний, как нам действовать, а реальной денежной помощи. Нужны не добрые советы, а деньги. Помощь, которую мы можем получить от наших единомышленников здесь, ничтожна, Надежды, которые мы возлагали на одного «испытуемого», рухнули, на нэпманов надеяться нельзя. Нэп их устраивает. Главное – получить средства от промышленников за границей и от иностранных правительств. В связи с этим очень важно установить постоянную и прочную связь с заграничными монархическими организациями, с Берлином, Парижем. Политический совет ведет переговоры с одним пограничным государством о том, чтобы организовать безопасный переход границы. Как и каким образом это будет сделано, я вам, по понятным причинам, не скажу. Но мы уверены, что такая связь будет установлена. Наконец, в целях конспирации внутри страны и для сношения с зарубежными организациями наша МОЦР будет иметь наименование «Трест». Об этом мы уведомили Высший монархический совет. Я сказал все.

Поднялся Ртищев, откашлялся, вытер платком губы, по всему видно, что он готовился произнести длинную речь. Якушев знал заранее, что это будет нудное и велеречивое

излияние в духе церковной проповеди и листовок монархического «Союза русского народа», будут повторяться слова: «Русь», «престол», «самодержавие», «обожаемый монарх»... Сколько таких речей придется еще выслушать, а может быть, и произнести самому, чтобы козырять монархическими убеждениями! Но теперь он знал цену этим речам и знал, почему их надо произносить среди врагов.

Пока говорил Ртищев, можно было взглядеться в лица тех, кто сидел против него на скамье. Якушев обратил внимание на молодого человека с сильно напудренным лицом и порочным чувственным ртом, на совсем юную девушку с косами, старательно уложенными под шапочкой. «Эта дуреха куда затесалась?» Рядом с ней сидел пожилой человек в пальто, в темных очках, затем бородач в поддевке, типичный «охотнорядец», вспомнилось Якушеву. Но больше других заинтересовал военный в длинной кавалерийской шинели. Он сидел неподвижно, опустив голову и уставившись в пол. Это был, наверное, курсант Зубов.

– Дорогие братья, – журчал Ртищев, – я имел высокую честь присутствовать на том заседании, где составлялся ответ на послание Высшего монархического совета. Не могу скрыть от вас моей тревоги, в этом послании сказано: «Не напирать на монархизм». Братья! Можем ли мы, верно-подданные, скрывать свои чувства от народа? Можем ли мы, говоря с солдатами, умолчать о священной цели нашей – о воцарении вновь на престоле царя-батюшки, державного хо-

зьяина земли русской...

Якушев встал:

– Позвольте вас прервать! Я не могу допустить разглашения письма, которое принято нашим верховным органом и направляется за границу в зашифрованном виде, – это нарушение конспирации...

Ртищев открыл было рот, но ничего не сказал и сел. Фонтан красноречия иссяк, эффекта не получилось. Тогда поднялся Стауниц.

«Этот, по крайней мере, не дурак, а откровенный подлец», – подумал Якушев.

Стауниц говорил отчетливо, громко, с легким немецким акцентом:

– Дело с добыванием денег обстоит весьма скверно. Между тем предстоят расходы в связи с нашим съездом. Мы обсуждали не раз планы, как раздобыть деньги, и остановились на одном: получить деньги при помощи экспроприации. Намечено одно районное отделение Госбанка. Подробно обсуждать этот план мы не будем. Скажу только – есть оружие, есть люди, исполнители, имеющие опыт. Во главе их мы поставим Дядю Васю. Он мастер в этом деле. – Стауниц наклонился к Якушеву: – Желательно знать ваше мнение.

Для Якушева возникло серьезное испытание. Надо было не запретить грабеж, а убедить в бессмысленности его. Допустить «экспроприацию» только для того, чтобы схватить участников, – нельзя, это могло вызвать подозрение, встре-

вожить всех членов МОЦР.

– Очень сожалею, что я не был, когда вы обсуждали вопрос об «эксе». Господа, я понимаю, что деньги нам очень нужны, но давайте подумаем, что произойдет, даже если будет успех. Этим актом мы поднимем на ноги не только милицию, уголовный розыск, но и ГПУ. В Москве очень давно не было таких актов. И что мы получим? Какими ресурсами обладает районное отделение Госбанка? Из-за каких-то незначительных сумм поставим под удар не только вашу «семерку», но и всю организацию в целом. Думаю, что без стрельбы дело не обойдется, будут убитые или раненые, начнутся аресты, следствия... А ведь главная задача сейчас – собирать силы, исподволь готовить переворот, завязать прочные связи с границей, получить крупные суммы от промышленников и зарубежных эмигрантских организаций. И это дело, можно сказать, на мази. А вы хотите рискнуть буквально всем из-за каких-то ничтожных сумм и расплатиться, может быть, кровью наших людей!

Все молчали. Вдруг вскочила девушка и, задыхаясь, крикнула:

– Нет! Так нельзя больше! Нет!..

Якушев слегка вздрогнул и повернулся к ней. «Гимназисточка, – подумал он. – Что с ней?» Потом мягко спросил:

– Что это с вами, моя милая?

Она залепетала быстро и невнятно:

– Мы ничего не делаем... Мы ничего не сделали... Я так

не могу! – Она всхлипнула.

Стауниц повернулся к Якушеву:

– Позвольте, я объясню. Зоя настаивает на террористическом акте. Она предлагает себя как исполнительницу. – Вдруг он озлился и зашипел: – Если мы будем прислушиваться к бредням каждой девчонки, которая ставит под удар всю нашу работу, нам этого не простят! Ни отечество, ни наши собратья за рубежом.

– Хорошо... Я сама. У меня оружие! Я потом застрелюсь! – кричала девушка, задыхаясь от слез.

Стауниц вскочил.

– Погодите... – Якушев встал и подошел к девушке. – Зоя, сейчас, сию минуту отдайте револьвер, если он у вас действительно есть. Я приказываю. Слышите. Отдайте!

Он говорил повелительным тоном, смотрел ей прямо в глаза и протянул руку за револьвером. В мертвой тишине девушка открыла сумочку и отдала Якушеву маленький браунинг. Якушев передал его Стауницу.

– А теперь вытрите слезы. Успокойтесь. Я прошу вас остаться, вас и вас, – он указал на Зубова.

– А меня? – сказал Ртищев.

– Хорошо, и вас. Остальные могут уходить...

Якушев говорил по-прежнему негромко, но повелительно, так, что даже Стауниц смотрел на него в изумлении.

– Вас зовут Зоя? Милая, вы мне годитесь в дочери, у меня дочь чуть не ваших лет. Вы вбили себе в голову, что ваш

выстрел будет иметь значение для общего дела. Выстрел в чекиста или видного коммуниста. Вы думаете, что вы совершите подвиг! Это не подвиг. Нет! Это предательство, вот как это называется!

Девушка тряслась от рыданий.

– Хотите видеть человека, совершающего истинный подвиг? – Якушев показал на Зубова. – Он красный командир, каждую минуту стоит на пороге смерти и ведет тайную работу. Он делает именно то, о чем пишут наши собраты из Берлина. И вы его хотите предать!

– Нет! Нет!

– Вы его предадите, вы погубите всю «семерку», потому что ваш выстрел, ничтожная хлопушка, насторожит Чека. И они доберутся до нас и уничтожат всю группу. Кто вас подучил, кто вас толкает на этот бессмысленный и, к счастью, несостоявшийся акт? Отвечайте! Кто?

– Игорь...

– Этот хлыщ с намазанными губами, сидевший рядом? Стауниц! Вы уверены в нем?

– Он был со мной в Ивановском лагере. Как анархист.

– И это все? И вы взяли его в «семерку»?

– Но он нужен. Связь с молодежью...

– Я вижу. Подстрекает девочку, а сам в кусты. Нет, господа... Я вижу, что у вас неблагополучно. Мы потребуем от вас, от всех групп строжайшей дисциплины. Абсолютное подчинение Политическому совету, абсолютное...

– Верно! – вдруг заговорил Зубов. – Зачем нам этот шкет несчастный, Игорь? Другое дело Дядя... Дядя Вася.

– Это кто Дядя Вася?

– Бородатый. В поддевке. Или Ротмистр... или, как его... Кузен.

– Это в черном пальто? Он из жандармов?

– Отдельного корпуса жандармов. Я его привлек, – вдруг заговорил Ртищев. – Работает по коннозаводству. Железный характер... Я надеюсь на него, Александр Александрович!

– Меня зовут Федоров. А вы для меня Любский. Прошу помнить. А теперь, Зоя, вытрите слезы. Идите домой. И забудьте все, что здесь было. Вы меня понимаете?

– Понимаю.

– Мы еще поговорим с вами, Зоя...

Когда она ушла, Якушев переменял тон:

– Господа, вы понимаете, что я должен был держать себя так при этой девочке. Мы потом подумаем, как с ней быть. Что касается этого анархиста... Если Стауниц ручается... (Стауниц молчал.) Теперь я могу вам сказать под строжайшим секретом: мы принимаем меры, чтобы установить непосредственную связь с Высшим монархическим советом. В ближайшее время наш эмиссар выедет в Ревель.

– Прекрасно, – сказал Ртищев, – я бы предложил себя, но мне надо в Петроград... И вам бы хорошо туда, Александр Александрович... У меня, собственно, топ шер, там дело несложное. Добыть, что закопано в «земельном банке»

на даче, в Сиверской. – Он взглянул на часы. – Я бы покинул вас...

– Я вас не задерживаю.

Ртищев ушел. Теперь их было трое.

– Вы что, старые знакомые? – спросил Зубов о Ртищеве.

– По Петрограду. Он богатейший человек. Землевладелец черниговский. Камергер, вероятно, кое-что сохранил... в «земельном банке».

– Вот черт! – с завистью сказал Стауниц. – Что бы ему отвалить нам на дело. До чего мы стеснены в средствах!

– Вот и я думаю, – заговорил Зубов. – Надоело мне до чертовой матери все это!

– Что именно?

– Служба! Кругом нэп, люди богатеют... А я кровь проливал, пуля во мне сидит со времен Кронштадта. Отца на Тамбовщине красные расстреляли, а я, за них дрался. Встретился у одной бабенки с Эдуардом Оттовичем, спасибо, он мне открыл глаза. Все-таки я пробую...

– Что пробуете?..

– Он, – показал на Стауница, – велит мне прощупывать курсантов. Только вы знаете, чем это пахнет? Пахнет Лубянской и пулей. Казенная ей цена девять копеек, а жизни моей и того меньше – грош по нашим временам.

– Надо умно и тонко, – сказал Стауниц.

Якушев молча смотрел на Зубова. Статный парень. Таких в гвардию брали. Глаза красивые, голубые, длинные ресни-

цы, но сам в глаза не смотрит. Наверно, из кулаков. Продукт столыпинских хуторов. И как он попал в Красную Армию? Видимо, по мобилизации. Скрипнула дверь. Вошел Подушкин с фонарем «летучая мышь». Выжидательно посмотрел и вздохнул.

– Ну, давайте расходиться, – сказал Якушев.

Он был доволен сегодняшним днем: получил представление о «семерке» Стауница. «Надо все-таки укрепить Политический совет «Треста», – мелькнула мысль. – А то мне будет трудно». Уходили по одному. Миновав Каменный мост, на Ленивке Якушев вспомнил о Зое: «Глупая девчонка. Что бы такое придумать? Как бы ее вытащить из этого болота? И в самом деле, недаром же это сборище на Болоте! Действительно болото».

В Ревеле ни Артамонов, ни Щелгачев не могли понять, почему Якушев не дает о себе знать. Как ни плохо работала почта между Ревелем и Москвой, но на открытку, посланную в Москву Страшкевич, мог быть получен ответ. Тогда через Петроград удалось послать запрос Ртищеву-Любскому. Но ответа тоже пока не было. Естественно, что возникла мысль об аресте Якушева. Но если бы он был арестован, то последовали бы и другие аресты. Или он никого не выдал? Это человек твердый, сильной воли. О нем так говорят. Пожалуй, из всех, кого знали в Москве, он был самым положительным, самым серьезным.

У Артамонова были, в общем, очень смутные понятия о том, что представляет собой Политический совет Монархической организации центральной России... Кажется, у них нет ни одного военного. Все стало бы яснее, если бы была прочная связь с Москвой, если бы объявился Якушев. Может быть, командировка... болезнь? Как узнать? Появилась надежда на проникшего со стороны Кавказа врангелевского разведчика. Он имел поручение связаться с Якушевым, но бесследно исчез, не вернулся. Между тем в Париже и Берлине в эмигрантских организациях заговорили о том, что в Москве есть монархическая группа, в которую входят видные спецы и бывшие штабные работники.

Однажды вечером Юрий Артамонов возвращался домой из кинематографа. Он продвигался в толпе, выходявшей из кинотеатра, публика невольно давала дорогу статному, высокому человеку, презрительно щурившему глаза, роняющему сквозь зубы:

– Пардон...

Он долго не мог привыкнуть к штатской одежде. Офицер чувствовался в его манере разговаривать, в походке и в жестах.

Артамонову было нестерпимо скучно в Ревеле, он до сих пор считал его русским губернским городом, а не столицей эстонского буржуазного государства. Все его раздражало, даже крепостные стены и башни, Вышгород, по-эстонски Тоомпеа, административный центр, узенькие улицы старого города, здание ратуши со шпилем и флюгером, изображающим воина с алебардой, герб города и купеческой гильдии – белый крест на красном поле. Эстонские буржуа, как крупное купечество во времена Большой гильдии в пятнадцатом веке, считали себя хозяевами страны. И каково было это терпеть ему, Артамонову, офицеру гвардии его величества. Он и его друзья должны были заискивать перед новоиспеченными министрами и генералитетом. Артамонов был уверен, что это ненадолго, что он еще расплатится с этими господами за унижение. А пока надо было терпеть и вести скучную переписку с Берлином, Парижем, Варшавой, со штабом Врангеля, расквартированным в Сербии, с Высшим монархическим

советом, с молодым и старым князьями Ширинскими-Шихматовыми, с Николаем Евгеньевичем Марковым, по прозвищу «Валяй, Марков», известным в прошлом скандалами в Государственной думе, членом Думы от Курской губернии, пользующимся теперь влиянием при дворе «Верховного». Как и Щелгачев, Артамонов люто ненавидел «адвокатишек» маклаковых и милюковых, болтавших о какой-то конституции, сидевших все-таки в Париже, а не в Ревеле.

В тот вечер Артамонов спешил домой. Он ожидал к себе Щелгачева, у которого были какие-то новости из Стремске Карловцы от людей, близких к Врангелю. И когда хорошенькая горничная Эрна открыла Артамонову дверь и сказала, что его ожидает господин, Артамонов был уверен, что это Щелгачев. Но он увидел совершенно незнакомого ему человека. Тот поднялся навстречу, вертя в руках какой-то маленький конверт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.